

ПРОВЕРено

3698 ✓

III 1447

Материалы

Пресурсо в 1953 г. къ спору

1952

о почитажии Имени Ъожія.

Издание 2-е, дополненное.

БИБЛИОТЕКА
Пермского Отделения
Императорского
Государственного Университета.

МОСКВА
ПЕЧАТЬ А. И. СПЕКТРА
1913.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Первое издание „Материаловъ“, вышедшее весною 1913-го года, заключало въ себѣ слѣдующія статьи: 1) Посланіе на Аeonъ еп. Никона; 2) Открытое письмо святогорцевъ - исповѣдниковъ Имени Божія къ Его преосвященству епископу Никону; 3) Исповѣданіе вѣры во Имя Божіе; 4) Доказательства изъ Св. Писанія и Св. Отецъ ученія объ Имени Божіемъ, изложеннаго въ шести пунктахъ „Исповѣданія“; 5) Отзывъ Халкинской Богословской Школы объ ученил „имеславцевъ“; 6) Посланіе на Аeonъ Константинопольскаго патріарха Германа.

Статьи эти доставлены были намъ непосредственно со Святой Горы и напечатаны въ качествѣ историческихъ документовъ съ познательными сокращеніями (во второй статьѣ), которыя отмѣчены многосточіями.

Въ настоящемъ изданіи къ прежнимъ статьямъ присоединены: 1) Откликъ мірянина на Посланіе Свят. Синода; 2) Письма и замѣтки; 3) Приложеніе.

1

Посланіе на Аeonъ еп. Никона.

ЕПИСКОПЪ НИКОНЪ

ЧЛЕНЪ

СВЯТЪЙШАГО СИНОДА

и

ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВѢТА.

Января 19 дня 1913 г.

Возлюбленнымъ о Господѣ Всечестѣйшему Отцу Игумену обители святаго Великомученика и Цѣлителя Пантелеимона, на Святой Горѣ Аeonской и всей во Христѣ братіи.

Милости и мира отъ Господа молитvenно желаю.

Съ болью сердца прочиталъ я посланіе Ваше, отъ души поскорбѣль съ Вами и подивился хитрости врага рода человѣческаго: какъ онъ и въ самое спасительное дѣло, гдѣ, казалось бы, ему доступа быть не должно, сумѣть внести смуту, раздоръ и вражду и даже грозить расколомъ. О, какъ мы немощны противу козней его, когда не ограждаемъ себя христо-подражательнымъ смиренiemъ!

Больно думать, какъ и иночи нынѣшніе далеки отъ сей всеспасительной добродѣти, безъ коей, по учению Святыхъ Утцевъ нашихъ, вѣтъ труды и подвиги, даже и молитvenные—ничто. Явилась книга, послужившая причиною разномыслия въ великому

дѣлѣ иночества—молитвенномъ дѣланіи. Казалось бы: могло ли сіе случиться съ книгою, которая говоритъ о дѣлѣ душеспасительномъ и притомъ въ подтверждение своихъ мыслей ссылается на ученіе Св. Отцевъ,— могла ли такая книга внести въ души своихъ читателей духъ вражды и раздѣленія? Могли быть недоумѣнія, иѣкоторое разномысліе въ пониманіи неясныхъ выраженій, что все и могло разрѣшиться въ духѣ братской любви и согласія, по завѣтамъ смиренія монашескаго. Но явился раздоръ, грозящій расколомъ, явилась взаимная вражда, прикрывающаяся подъ видомъ ревности о славѣ Имени Божія. Господь сказалъ обѣ учителяхъ: по плодамъ ихъ познаете ихъ. То же должно сказать и о книгахъ. Если книга приносить плоды не мира и любви, хотя и много говорить о любви, а вселять вражду и раздоръ, то слѣдуетъ остеречься отъ чтенія оной. Развѣ не довольно святоотеческихъ твореній о молитвѣ, чтобы смиренно поучаться сему святому дѣланію? Почти девъ тысячи лѣтъ существуетъ вѣра православная, и дѣло спасенія душъ обходилось безъ этой книги: ужели грѣшно отложить ее въ сторону, не читать ее, хотя бы ради послушанія Высшей Власти Церковной, которая усмотрѣла въ ней иѣкое новшество, соблазняющее братій и вносящее раздоръ? Пусть даже, что она содержитъ ученіе непротиворѣчащее ученію Церкви, но сіе ученіе выражено въ такихъ словахъ, что вмѣсто назиданія вносить соблазнъ для немощающихъ совѣстю: не смиреніе ли, не благоразуміе ли вовсе не читать сей книги, дабы не засорять своего сердца венеріствомъ къ инакомыслившимъ,—по крайней мѣрѣ дотолѣ, пока сама Церковь не скажетъ своего слова о книгѣ устами тѣхъ, кто поставленъ Богомъ для охраненія чистоты вѣры православной?

Увы! сего смиреннаго мудрованія не вижу въ тѣхъ, кто дерзаетъ защищать книгу, даже Архіепископа на-

звывать еретикомъ. Пусть подумаютъ надъ этимъ тѣ, которые увлеклись ревностю не по разуму, и пусть они станутъ въ своей совѣсти передъ Господомъ и спросятъ себя: съ разсужденіемъ ли, смиренію ли они помышляютъ и дѣствуютъ? Кто дасть имъ право прежде суда Церкви судить епископа и налагать на него клеймо еретика? Кто ей самозванные богословы, предвосхищающіе судъ Церкви? Они могли еще обратиться съ своими недоумѣніями къ сему суду Церкви, но отнюдь не восхищать себѣ сей судъ. Пусть не указываютъ мнѣ на древнихъ великихъ отцевъ-предвижниковъ, исходившихъ изъ пустынь своихъ на защиту вѣры православной отъ еретиковъ: во-первыхъ, то были великие духовные мужи, благодатію Божію руководимые, и нынешніе ивоки-богословы дерзнутъ ли стать самочинно съ ними рядомъ?.. Во-вторыхъ, нынѣ милостью Божію Церковь, православная имѣть многъ сонмъ пастырей и учителей, какъ въ Русской, такъ и въ Греческой Церкви, достаточно просвѣщенныхъ, чтобы за послушаніе Власти Церковной изучить неясныя мѣста въ книгѣ и сказать о нихъ авторитетное слово. Не дерзновенно ли посѣть сего братъ всю ответственность за смуту на себя? Не проявляется ли въ семъ случаѣ духъ самомнѣнія, если не сказать—гордыни? Вѣть ли въ сихъ дѣяніяхъ перазумныхъ ревнителей якобы чистоты ученія вѣры истинно-монашеское смиреніе?.. Пусть они думаютъ о семъ наединѣ съ своею совѣстью, предъ лицемъ Божіимъ, не допуская въ свое сердце, страстью уже отуманенное, помыслить самооправданія, иноку чуждыхъ и несвойственныхъ.

Но я долженъ сказать больше. О книгѣ уже сказали свое слово и тотъ, кто имѣть и долгъ, и право на то: святѣйший, въ Бозѣ почившій, Вселенскій Патріархъ съ своимъ Священнымъ Синодомъ изъ десяти Митрополитовъ. Предъ такимъ судомъ должны бы

склонить свое мнѣніе не только простые иноки, но и епископы. Возставать противъ сего суда и судить такую Власть въ Церкви имѣть бы только Вселенский Соборъ, или, по крайней мѣрѣ, Епископатъ всей Восточной Православной Церкви. Пусть недовольные рѣшеніемъ Патріарха къ сему высшему церковному судилицу и обращаются. Самочиніе въ вѣрѣ и жизни православной—само по себѣ есть ересь, которую заражены лютеране, протестанты, баптисты, и подобные имъ сектанты... Тѣмъ прискорбнѣе видѣть наклонность къ такому самочинію въ средѣ православныхъ иноковъ, отрекшихся отъ своего мудрованія и воли.

Вы, отцы и братія, русские иноки,—пришельцы на Аeonій. Греки всегда считали Святую Гору своимъ достояніемъ. Когда разгорятся страсти, то съ исторіей не считаются. Есть опасность, что, если противники Патріаршей грамоты возьмутъ верхъ, то греки отнимутъ у русскихъ и монастыри, обвинивъ ихъ въ ереси. А если Греческая Церковь обвинитъ русскихъ иноковъ въ схизмѣ, то и Русская не въ правѣ будетъ имѣть съ ними общепіе. Вотъ къ чему можетъ повести самочинное мудрованіе противниковъ Патріаршаго посланія. Да сохранитъ Господь, Богъ мира и любви, отъ такихъ послѣдствій.

Не предрѣшая по существу вопроса, требующаго великой осмотрительности и мудраго обсужденія всего священноначалія Церкви, я полагалъ бы, съ своей стороны, что противникамъ Патріаршей грамоты подобаетъ смириться, подчиниться ей, а если не могутъ примириться съ симъ, то просить новаго Патріарха пересмотрѣть все дѣло, а для большаго авторитета—просить его снести и съ Всероссійскимъ Святымъ Синодомъ, ибо писалъ книгу русскій монахъ, живущій въ предѣлахъ Россіи, и затѣмъ терпѣливо ждать рѣшенія сего спора, отложивъ книгу въ сторону, дабы не явиться преслушниками Высшей Цер-

ковной Власти и за то не понести тяжкаго осужденія. Помнить должно, что для монаха все спасеніе въ послушаніи Церкви, и что какъ противники, такъ и защитники книги внесли уже много страстнаго въ свою полемику: одни, какъ слышно, дерзали попирать ногами записочки съ святымъ Именемъ Господа Іисуса Христа, другіе называли еретикомъ даже Архиепископа. И тѣ и другіе подлежатъ строгой епитимії: споры произошли лишь отъ разнаго пониманія выражений въ книгѣ схимонаха Иларіона, а это еще не ересь...

Призываю на всѣхъ Ваше Божіе благословеніе, прошу и Вашихъ святыхъ молитвъ за меня грѣшнаго, Вашего недостойнаго сомолитвенника

Епископа Никона.

Письмо сіе посыпаю обычнымъ путемъ черезъ Одессу, а дойдетъ ли, не знаю, Богу сіе вручаю на Его святую волю.

Е. Н.

П.

**Открытое письмо святогорцевъ-исповѣдниковъ Имени
Божія къ Его преосвященству ЕПИСКОПУ НИКОНУ.**

Ваше Преосвященство,
Владыко Святый, благословите!

Въ концѣ минувшаго февраля стало распространяться среди русскихъ ипоковъ Святой Горы Аeonской Ваше посланіе къ игумену и братіи монастыря Св. Великомученика Пантелеимона, касающееся нашихъ послѣднихъ событий. Но не одни только ипоки-пантелеимоновцы вожделѣвали имѣть сіе посланіе: значительная часть русскихъ святогорцевъ другихъ обителей несравненно болѣе сильнымъ желаніемъ горѣли услышать его, такъ какъ многие изъ нихъ уже несли на себѣ томительную тяготу заключенія, изгнанія и лишенія всякихъ человѣческихъ правъ за строго православное исповѣданіе ученія объ Имени Божіемъ; поэтому, голосу Іерарха, которому, какъ здѣсь утверждаютъ, поручено отъ лица Русской Церкви быть судіей всего происшедшаго изъ-за этого исповѣданія на Аeonѣ, мы все съ особымъ напряженіемъ вынѣмали. И что же?..

И мы, Владыко Святый, съ сугубой болью сердца выслушали слова Ваши...

Вамъ, Владыко Святый, конечно, известно, что поднятый на Аeonѣ вопросъ объ Имени Божіемъ раскрыть передъ русскимъ обществомъ только съ одной

стороны, именно:—какъ его понимаютъ сотрудники „Русскаго Инока“,—современные ученые и неученые монахи; а также и то, что всякое проявленіе нашего желанія слѣдать разъясненіе на несогласіе святоотеческаго ученія съ „Русскимъ Ипокомъ“ о семъ предметѣ,—упоминаемъ въ Вашемъ посланіи архиепископомъ весьма усердно, всѣми существующими способами, подавлялось... Поэтому мы попытаемся здѣсь хотя отчасти передъ Вами иложитъ о семъ вопросѣ и о себѣ истину...

Не находя удобнымъ отвѣтить Вамъ на каждую Вашу мысль въ посланіи даже въ томъ случаѣ, когда мы не согласны съ ней, мы сперва иложимъ свои мысли относительно главнаго въ Вашемъ письмѣ,—именно: Вашихъ сужденій о книжѣ о. Иларіона „На Горахъ Кавказа“ и „Грамотѣ Вселенскаго Патріарха Іоакима“ по поводу этой же книги; а тамъ, если Господь поможетъ, коснемся иѣкоторыхъ другихъ вопросовъ, изложенныхъ въ Вашемъ посланіи.

Стараліями имѣборцевъ, среди русскаго общества, интересующагося нашими событиями, распространилось убѣжденіе, будто все бѣды на Аeonѣ происходятъ изъ-за книги о. Иларіона, которую мы превознесли превыше всѣхъ святоотеческихъ писаній и пользуемся ею, забывъ Св. Отецъ, какъ бы иѣкимъ вторымъ откровеніемъ. На это мы отвѣтимъ слѣдующее: действительно, книга о. Иларіона получила распространение на Св. Горѣ особенно потому, что о. Иларіонъ—самъ бывшій святогорецъ, весьма многимъ лично известный; это и было первой, такъ сказать, естественной причиной живого интереса къ его книжѣ. Далѣе,—общедоступное изложеніе о важнейшемъ монашескомъ дѣлѣніи, а также упоминаніе о Кавказской пустынѣ, куда теперь устремлены всѣ помыслы многихъ ищущихъ спасенія ипоковъ,—вторая, но не менѣе важная, чѣмъ первая, причина такого ея распростра-

пенія. Поэтому здѣсь читали сю книгу съ интересомъ, и долго никто не находилъ въ ней ничего противорѣчащаго святоотеческому учению. Какъ вдругъ пѣсколько видныхъ аеонцевъ, возстали противъ нея и рѣшили добиться ея уничтоженія на томъ будто основаніи, что въ ней встрѣчаются такія выраженія: „Имя Господа Иисуса Христа есть Самъ Онъ, Господь Богъ; что Имя Его не отдѣлимо отъ Его Святѣшаго Существа, а съ Нимъ едино, утверждалась въ этомъ не на соображеніяхъ разума, но на чувствѣ сердца своего, проникнутаго Господнимъ Духомъ“ (стр. 13, изд. 1910 г.).

Первой ядоносной стрѣлой, которой расчитывали сіи аеонцы поразить книгу о. Иларіона, была рецензія инона Хрисанфе на эту книгу, помѣщенная въ № 4, 5 и 6 журнала „Русскій Инонъ“, а за ней и другія, въ которыхъ отрицалась, главнымъ образомъ, эта истина, что Имя Божіе есть Богъ. Приведенные въ крайнее недоумѣніе рецензіей, святогорцы немедленно взялись за чтеніе святоотеческихъ твореній и писаній современныхъ богослововъ, чтобы въ нихъ найти полное освѣщеніе сего вопроса; и, съ Божіей помощью, убѣдились, что и св. Отцы и современные великие сосуды благодати Божіей единогласно свидѣтельствуютъ ту истину объ Именіи Божіемъ, которую въ наши дни повторилъ вслѣдъ за ними о. Иларіонъ.

Вотъ истинна о книгѣ о. Иларіона. Она свою важную роль уже сыграла: ей, волей Божіей, суждено было обнаружить предъ всѣмъ свѣтомъ не замѣченную доселѣ богословами дѣгматическую истину о томъ, что Имя Божіе есть Богъ. Она уже выполнила эту задачу и теперь заняла скромное мѣсто въ тѣхъ оби- теляхъ, где ея еще, по приказанію власти имущихъ, не сожгли. Большинство же читающей братіи взялись за чтеніе св. Отецъ, съ цѣллю еще болѣе изучить

этотъ вопросъ на основаніи ихъ писаній. И думается намъ: если бы книгу о. Иларіона совершенно уничтожить, то все же почтенная память о ней надолго останется въ исторіи церкви, такъ какъ она, такъ сказать, вызвала къ жизни вопросъ объ Именіи Божіемъ, который теперь не можетъ быть совершенно изглаженъ изъ памяти людей посредствомъ приказовъ и циркуляровъ, если будетъ рѣшень, но не согласно съ писаніями св. Отецъ, а лишь по сомнительнымъ соображеніямъ самонадѣянаго и близорукаго разума человѣческаго.

Чтобы не быть голословными, приведемъ нѣкоторыя мѣста изъ св. Отецъ въ доказательство истины, что Имя Божіе есть Богъ.

1) Блаженный Феофилактъ Бодларскій говорить: „Если бы Имя Отецъ было не Богъ, и Имя Сына не Богъ, и Имя Святаго Духа — не Богъ, то слѣдовало бы крестить во Имя Бога Иисуса Христа или только въ Сына; но опь, Петръ, говорить: „во Имя Иисуса Христа“, зная, что Имя Иисусъ есть Богъ, равно какъ Имя Отца и Св. Духа“. (Толк. на гл. 2, ст. 38, Дѣян., стр. 68).

2) „Яко же бо не можно возсияти солнцу безъ свѣта,—сице не мощно очиститися сердцу отъ скверныхъ губительныхъ помысловъ кромѣ молитвы Иисусова Имене. Аще ли же истинно сіе; яко же зрю, да соединимъ Имя Иисусово своему дыханію. Ово бо есть Свѣтъ, тѣ же тма: и ово есть Богъ и Владыка, тѣ же раби бѣсомъ¹⁾“. (Св. Исаїхъ Йерусалим. Слав. Доброт. Ч. 2, гл. 170).

3) „И что множайше глаголати: молитва есть Богъ, дѣйствуяг вся во всѣхъ“. (Св. Григорій Синаитъ. Тамъ же. Часть 1, гл. 113).

А что же такое молитва (Господи, Иисусе Христе, Сыне Божій...) какъ не перечень Именъ Божіихъ?

¹⁾ „Ово“ — т. е. Имя Иисусово, а „тѣ же“ — т. е. помыслы.

4) Св. Симеонъ Новый Богословъ въ концѣ 62-го слова полагаетъ такое ученіе объ Именахъ Божіихъ и именахъ человѣческихъ: Мы называемъ,—учитьонъ,— Бога такими Именами, какими и людей называемъ, напримѣръ: отцами, сынами, (Иисусами, христами, спасителями, царями) и проч.; но о нась такъ говорится, какъ о людяхъ (все это и подобное суть человѣческія имена), а о Немъ, какъ о Богѣ. И когда сими словами называютъ людей, то эти человѣческія слова (имена)—текучи и пусты (просты и безжизненны); когда же ими именуется Богъ (Отецъ, Сынъ, Иисусъ Христосъ, Спаситель, Царь) и проч., тогда и слова (имена) эти суть живыя и дѣйственныя и Богъ Истинный.

Словъ „Богъ Истинный”,—почему то въ русскомъ переводѣ епископа Феофана—нѣть, но они есть въ греческомъ подлинникѣ.

Здѣсь кстати будетъ сказать, что переводъ святоотеческихъ твореній епископа Феофана, по свидѣтельству многихъ знатковъ сихъ писаній, часто страдаетъ неточностію и допускаетъ крупныя ошибки и даже догматическая искаженія, какъ это видно изъ данного примѣра, въ чёмъ мы не одинъ уже разъ имѣли возможность убѣдиться на дѣлѣ.

5) Приснопамятный о. Иоаннъ Кронштадтскій говорить: „Имя Божіе есть Самъ Богъ”. (Моя жизнь во Христѣ, Вып. 5, 1893 г. стр. 7). „Имя Господа есть Самъ Господь”. Тамъ же. „Въ Имени Иисусъ Христосъ весь Христосъ,—душа и тѣло Его, соединенная съ Божествомъ”. Тамъ же.

О томъ, что Имя „Иисусъ” относится равно къ Божеству и человѣчеству Господа Иисуса Христа, видно изъ четвертаго анаематствованія З-го Ефесскаго вселенскаго собора, которое тамъ читается: „Кто выраженія, находящіяся въ писаніяхъ Евангельскихъ и апостольскихъ, сказанныя о Христѣ, либо священными

писателями, либо Имъ Самимъ о Себѣ, различаетъ такъ, что одни изъ нихъ приписываютъ человѣку, отдалѣнно отъ Слова Божія разумѣваемому, а другія, какъ Богоприличныя, одному только Слову, Сущему отъ Бога Отца; тотъ да будетъ анаема”. (Правосл. Догм. Богосл. М. Макарія. Т. 2, стр. 84). Подъ эту анаему подпали всѣ имѣборцы, утверждающіе, будто Имя Иисусъ относится къ человѣческому естеству Иисуса Христа, а Христосъ—къ Божескому, и бывшіе словоизвѣстіе, будто Иисусъ—не Богъ, а только Христосъ Богъ.

Если существуетъ такое ясное и опредѣленное ученіе св. Отецъ церкви о семъ предметѣ, то естественно возникаетъ вопросъ: что же было причиной не-принятія всѣми сего ученія, а наоборотъ,—почему была дана полная свобода страстиамъ, газетной клеветѣ, насилию, запрещеніямъ и прочимъ гоненіямъ на исповѣдниковъ сей истины?

На это мы отвѣтимъ такъ: для всѣхъ, ищащихъ истины въ семъ вопросѣ, совершенно ясно, что не книга о. Иларіона, затронувшая вопросъ объ Имени Божіемъ, вызвала на Аeonъ и въ Россіи такую бурю страстей, а „Рецензія” на нее иноса Хрисанеа въ „Русскомъ Инонѣ” и помѣщенный тамъ же „Отвѣтъ” Архіепископа Антонія Волынскаго, въ которыхъ, главнымъ образомъ, проводится мысль, что Имя Божіе не есть Богъ.

Вотъ здѣсь истинная причина нашихъ волненій!...

Но все это не устрашило исповѣдниковъ, а наоборотъ: опровергаемое приведенными нами мѣстами изъ твореній св. Отецъ мнѣніе имѣборцевъ до глубины души возмутило всѣхъ поборниковъ чистой истины, и многіе изъ нихъ, не взирая на высокій санъ, влияніе и ученую степень Архіепископа Антонія, рѣшили всѣми зависящими отъ нихъ мѣрами, включительно до преданія себя на смерть, противодействовать от-

ступленію церкви отъ точнаго, согласнаго со Св. Писаниемъ и Преданіемъ, ученія о семъ предметѣ.

Итакъ, мы имѣемъ прежде всего передъ собой учение двухъ лицъ: Арх. Антонія, голословно утверждающаго, будто Имя Божіе не есть Богъ, и приснопамятнаго о. Ioanna Kronstadtskago.

О. Ioannъ многократно говорилъ, что Имя Божіе есть Богъ. Эта многократность свидѣтельствуетъ о томъ, что сія мысль не случайна и не по разсѣянности записана имъ въ его дневникахъ и другихъ произведеніяхъ, а наоборотъ: является основной темой многихъ его разсужденій,—значить, всесторонне имъ изслѣдована и признана за мысль дѣйствительно благодатную, что вполнѣ было доступно ему, такъ человѣку, безотлучно проводившему жизнь свою во Христѣ.

Вонстину странное дѣло: передъ вами лежитъ книга „Моя жизнь во Христѣ“, изд. 2-е, 1893 г., въ которой мы нашли во множествѣ повтореніе сей мысли въ разныхъ варианціяхъ. Значить, болѣе двадцати лѣтъ мысль эту читали и ею назидались многие тысячи христіанъ всѣхъ странъ, и никто не нашелъ еретической, пока не принялъ на себя этой печальной чести Архіепископъ Антоній.

Въ виду этого мы смиренѣйше просимъ Васъ, Владыко Святый, какъ Члена Святѣйшаго Синода, и какъ причастнаго къ нашему сему дѣлу, объявить чрезъ „Церковныя Вѣдомости“ мнѣніе Св. Синода по слѣдующимъ нашимъ вопросамъ:

1) Почему Св. Синодъ въ теченіе болѣе 20-ти лѣтъ считалъ мысль приснопамятнаго о. Ioanna Kronstadtskago, что Имя Божіе есть Богъ,—правильной и не опровергалъ ея, а теперь считаетъ ошибочной и еретической?

2) Если Св. Синодъ разрѣшаетъ печатаніе писаній

о. Ioanna, содержащихъ сіе ученіе объ Имени Божіемъ, то почему онъ запрещаетъ печатать изъ-за этой же мысли книгу о. Иларіона и сочиненія о. Антонія Булатовича?

3) Если, какъ пишеть „Колоколь“ и др. газеты, о. Иларіова и о. Антонія Свят. Синодъ призналъ еретиками, то почему вмѣстѣ съ ними не призналъ еретикомъ и о. Ioanna Kronstadtskago: вѣдь на его точномъ писаніи они утверждали свое ученіе и буквально его слова повторяли—не больше!..

4) Если о. Ioannъ Крѣскій допустилъ подобную, признанную Св. Синодомъ еретической, мысль объ Имени Божіемъ, то почему благодать Божія не оставила его, и онъ при жизни и по смерти своей творилъ и творить чудеса?

5) Такъ какъ эта же мысль находится у Блаженнаго Єофилакта Болгарскаго, Свят. Ioanna Златоуста, Пр. Симеона Нов. Бог., Пр. Исихія Іерусалимск. и у многихъ другихъ святыхъ, то какъ согласить еретическую мнѣнія (по ученію имеборцевъ) сихъ святыхъ съ признанной всей церковью святыстью ихъ?

Еще разъ, какъ чада православной церкви, желающія незаблудно шествовать по пути спасенія, просямъ Васъ, Владыко Святый, выяснить наше недорумѣніе... въ чьихъ устахъ Божественная обѣ Имени Божіемъ истина: въ устахъ ли исполненного благодати и истины и весьма многихъ высочайшихъ дарованій Св. Духа—о. Ioanna, а съ нимъ и другихъ, указанныхъ нами, святыхъ Отецъ и учителей церкви,—или въ бездоказательныхъ мудрованіяхъ сихъ о. Ioanna противниковъ, за которыми насть принуждаютъ слѣдоватъ? Кому изъ нихъ намъ слѣдуетъ больше вѣрить и за кѣмъ идти? И если насть Арх. Антоній клеймить названіемъ „еретиковъ“, то разъ не съ о. Ioannомъ мы останемся на противоположной Архіепископу Антонію сторонѣ? И дай Богъ намъ и

всѣмъ оказаться вмѣстѣ съ о. Іоанномъ—это единственная цѣль нашей жизни.

Воть, Владыко Святый, наше пониманіе ученія объ Имени Божиємъ, которое иѣсколько подробнѣе изложено въ приложенномъ адѣсь Исповѣданії. Ни въ какія болѣе глубокія изслѣдованія сего вопроса мы не входили и неходимъ, такъ какъ не имѣмъ на это ни права, ни нужды. И пока на мъ не будуть представлены истинныя святоотеческія опроверженія его ученія,—прямая и непосредственная, а не какія-нибудь двусмысленные кривотолки мудрованія человѣческаго измышленія,—до тѣхъ поръ мы никого не послушаемъ, такъ какъ знаемъ, что догматическая истины не подчинены законамъ человѣческаго мышленія, потому что въ нихъ излагается ученіе о Богѣ и объ искуплѣніи человѣка, „идѣже побѣждается естества уставы“. Кромѣ того, до сихъ поръ никто нигдѣ у св. Отець не нашелъ такого выраженія: „Имя Божіе не есть Богъ“, а примѣровъ выраженія: „Имя Божіе есть Богъ“—мы указали Вамъ достаточно; равнымъ образомъ, никто изъ нашихъ противниковъ до сихъ поръ сколько-нибудь толково и честно не опровергъ этой истины. Къ тому же и анаема заставляетъ насъ быть осторожными. Воть она: „Неправо изъясняющимъ Богомудрыя изречения св. учителей Церкви Божией и покушающимся перетолковывать и извращать смыслъ ученія, ясно и определенно благодатю Св. Духа изложеннаго,—анаема!“ А куда же еще яснѣе приведенныхъ святоотеческихъ словъ!

Умѣстно, кажется, будетъ припомнить извѣстный случай изъ жизни св. Симеона Богопріимца, когда онъ, въ числѣ другихъ толковниковъ, переводилъ на греческій языкъ еврейскую Біблію, то, встрѣтивъ выраженіе у пророка Исаіи: „Се Дѣва во чревѣ примѣтъ и родить Сына“... счелъ его ошибочнымъ и взялъ ножъ, чтобы выскоблить слово „Дѣва“ и на-

писать „жена“. Въ это время онъ увидѣлъ Ангела, подтвердившаго слова Пророка, покѣрилъ ему, и впослѣдствіи сподобился зреТЬ исполненіе сего непостижимаго умомъ дѣла. Этотъ разсказъ весьма подходитъ къ настоящему случаю, но только плѣненные своимъ разумомъ современные толковники Свящ. Писанія и Преданія слишкомъ заматорѣли въ поклоненіи этому разуму и не въ состояніи теперь отрѣшившись отъ узъ его законовъ и примѣняютъ ихъ всюду, даже въ догматикѣ, равно какъ и въ этомъ вопросѣ. Они, поэтому, совсѣмъ не замѣтили Ангела—о. Іоанна, отъ котораго хладно отвернулись и отвергли его слова. Они взяли уже въ руки ножъ, чтобы выскоблить подтвержденные имъ святоотеческія слова: „Имя Божіе есть Богъ“, и вмѣсто нихъ поставили: „Имя Божіе не есть Богъ“. Весьма печально.

Какъ видно, Владыко Святый, книга о. Иларіона оказалась не tanto уже виноватой въ негодованіи Арх. Антонія и въ соблазнѣ для немощущихъ совѣтствомъ. Намъ думается, что не менѣе благоразумно было бы посовѣтовать всѣмъ не читать сотрудниковъ „Русскаго Июна“, взявшихъ на себя неблагодарный трудъ опорочить о. Іоанна Кронштадтскаго и его почитателей за его святоотеческое ученіе объ Имени Божиємъ.

Когда мы писали сіе письмо, то въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ прочли письмо о. Антонія Булатовича, въ которомъ онъ излагаетъ свои соображенія по поводу грамоты покойнаго патріарха Іоакима. Поэтому мы, вопреки своему первоначальному предположенію, не будемъ касаться сего адѣсь вопроса, но предлагаемъ желающимъ обратиться къ № 57 сей газеты.

Теперь, съ Божией помощью, скажемъ наше слово, Владыко Святый, и относительно иѣкоторыхъ другихъ мыслей Вашего посланія, такъ или иначе касающихся насъ и нашего дѣла.

Вы ставите намъ въ особую вину то, что нѣкоторые изъ нашихъ ревнителей по славѣ Имени Божія, которыхъ Вы считаете „увлекшимися ревностию не по разуму“, назвали Архіепископа еретикомъ. Но мы знаемъ, что они допустили это безъ всякой злобы, на томъ лишь основаніи, что еретикомъ называется всякий, сознательно принимающій ученіе, противное догматамъ и духу Православной церкви. И разъ они убѣдились, что этотъ Архіепископъ противорѣчить ученію св. Отець, и исполненному благодати и всякой правды о. Іоанну Кронштадтскому, то и не почли себя въ правѣ молча переносить глумленіе надъ вѣрой, дабы самимъ не понести Божіей кары за смиреніе не по разуму. И притомъ какъ? — Сперва они написали Архіепископу вѣсколько посланий, смиренѣйши, прося его убѣдиться, что въ рецензії инона Хрисанеа допущено много ошибокъ и извращеній истины, почему и необходимо было, для возстановленія истины, въ томъ же „Русскомъ Ионкѣ“ напечатать возраженіе или внести необходимыя поправки и разъясненія къ Рецензіи. Но Архіепископъ лично взялся защищать Рецензію и помѣстилъ тамъ же свой „Откѣтъ“ на эти посланія, въ которомъ совершилъ бездоказательно, а лишь единственно съ цѣлью опровергнуть насъ, называлъ насъ хлыстами, надѣясь этимъ ударомъ совершенно покончить съ нами...

Вамъ, Владыко Святый, должно быть известно, что о. Антоній давно уже обратился съ этимъ вопросомъ къ суду церкви, т.-е. въ Св. Синодъ и известна также дальнѣйшая судьба его прошенія; значитъ, то, въ чёмъ Вы насъ упрекаете,—нами выполнено болѣе, чѣмъ на три мѣсяца ранѣе написанія Вашего посланія.

Какъ видите, о. Антоній обратился въ Св. Синодъ за судомъ, несмотря на то, что тамъ присутствующимъ членомъ состоять этотъ Архіепископъ и что его

могущественное влияніе на дѣла церкви и на другихъ членовъ Св. Синода вѣмъ извѣстны. Въ этомъ и выразилась наша глубокая вѣра въ истину святоотеческаго ученія объ Имени Божіемъ и въ величепріятівномъ отношеніи къ сему святыму дѣлу Святѣшаго Синода.

Изъ нижеприведенного легко понять, что мы не разсчитывали воспользоваться для своего оправданія образцомъ, который Вы предупредительно закрываете для насъ, не разрѣшая намъ указывать на него,—это „примѣръ древнихъ великихъ Отець подвижниковъ, исходившихъ изъ пустынь своихъ для защиты вѣры православной отъ еретиковъ“. Мы безъ этого предупрежденія знали, что подобное указание съ вашей стороны было бы гласомъ воинствующаго въ пустынѣ: если о. Іоанна Кронштадтскаго, воистину „великаго духовноснаго мужа, благодатю Божію руководимаго“, не считаются достаточно авторитетнымъ въ семъ вопросѣ, не считаютъ его мощнымъ „стать съ великими отцами церкви рядомъ“ на защиту чести Имени Божія, вскинь и вкосы толкнутъ его слова, извращая ихъ по своему изволенію, то кого послѣ этого они признаютъ достойнымъ этой действительно высокой чести??...

Насъ же да сохранить Господь отъ дерзости помыслить о себѣ что-нибудь достойное, такъ какъ мы дѣйствительно далеки отъ дѣланія великихъ святыхъ. Но, Владыко Святый, гдѣ же наши Василий Великіе, Григорій Богословы, Іоанн Златоусты и прочие великие поборники православія, постановленные на стражъ чистоты вѣры и души свои полагать за свидѣя своя? Почему до сихъ поръ они молчали и словомъ не обмолвились, видя, какъ волки расхищаютъ ихъ стадо?

Чѣмъ назвать такое равнодушіе къ славѣ Имени Божія? Не это ли ихъ равнодушіе воодушевило Архіепископа, отложившаго оружіе мира и любви,—слово

Божие—для выясненія истины, и допустившаго надъ нами насилие, приличное только гражданскому администратору во время мятежа или военному начальнику во время войны? Воть выдержки изъ его письма къ одному довѣренному ему иноку. Называя насъ „шайкой сумасшедшихъ“ и „хлыстами“, онъ весьма желаетъ, чтобы „съ П. Б. Мансуровымъ привести три рты солдатъ и заковать нахаловъ“. И дальше:... „конечно, Булатовичъ всѣхъ погонять и лишать монашества!“ Читающему эти строчки никогда въ голову не придется, что принадлежать онъ Архіепископу, члену Св. Синода и проч.

Вѣрно, Владыко Святый,—что не чамъ, современныи монахамъ, „дерзать самолично стать съ великими святыми для защиты почитанія Имени Божія“. Но скажите: это ли Іоанна Златоусты и другіе всесленскіе учители и пастыри, умирающіе за овиы своя? Единственно скажемъ: судите сами, и не больше!... Чудное дѣло: язычники установили законъ: *audiatur et altera pars*,—т. е. пусть будетъ выслушана (судомъ) и другая (тяжущаяся) сторона, а православный Епископъ лишилъ насть сего права—и самъ не желалъ когда бы то ни было выслушивать насть, и другимъ не позволялъ сдѣлать это. Судите теперь: въ комъ, скажемъ Вашими словами, „проявляется въ семъ случаѣ духъ самомнѣнія, если не сказать—гордыни“: неужели только въ насть, „неразумныхъ ревнителяхъ якобы чистоты ученія вѣры“, и нисколько у сего „пастыри и учителя церкви“?...

Воть къ кому на судъ мы можемъ попасть... И чего намъ ожидать отъ подобнаго суда?... Впрочемъ, все въ рукахъ Божіихъ!

— Да, военная исторія много представляеть прімѣръ, когда въ ночной темнотѣ защитники своей родины, вмѣсто непріятеля, по роковой ошибкѣ, вѣр-

иѣ изъ-за плохой развѣдки, разстрѣливали другъ друга, пока утренняя заря не обнаруживала страшной катастрофы. То же самое нынѣ происходитъ и у насъ: Св. Синодъ осуждаетъ на изгнаніе и попускаетъ совершившися полному произволу падь лицами, для которыхъ единственная цѣль въ жизни—сохранить Православную вѣру въ неприосновенной чистотѣ апостольскаго и святоотеческаго ученія, въ подномъ подчиненіи и въ спасительной оградѣ Святой нашей Церкви, въ которой нѣть спасенія; въ жертву чему они приносятъ свою жизнь, знанія, средства и все, что имѣютъ. Дасть Богъ, пройдетъ ночь пристрастнаго недоумѣнія, возсіяеть Солнце Божественной Истины, и всѣ поймутъ, что не въ томъ направлениі посылались убийственныи стрѣлы, гдѣ находился истинный противникъ Православной церкви, и что православные разстрѣливали своихъ собственныхъ по Богу ревностныхъ чадъ... Или, быть можетъ, уже пришло время, предрекаемое святыми, о которомъ приснопамятный Святитъ Игнатій сказалъ, что тогда „будуть дѣйствовать противъ рабовъ Божіихъ и насилиемъ власти, и клеветою, и злочитрими кознями, разнообразными обольщеніями и гоненіями лютыми“ (т. 5, стр. 141). А вѣдь действительно все сіе пришло на насъ за единое точію исповѣданіе Имени Господа!...

Въ своемъ посланіи высказываете Вы опасеніе, „что если противники Патріаршій грамоты возьмутъ верхъ, то греки отнимутъ у русскихъ монастыри, обвинивъ ихъ въ ереси“ и проч. На это мы скажемъ слѣдующее.

По вопросу удаленія греками со Св. Горы иноковъ всѣхъ другихъ народностей, здѣсь ходить много всевозможныхъ слуховъ. Но самый достовѣрный изъ нихъ тотъ, что греки рѣшили прежде всего избавиться отъ русской, какъ политически весьма могущественной, націи, и численно на Аeonъ ихъ превосходящей. На-

стоящий моментъ считается весьма подходящимъ для этого уже потому, что русскіе представляютъ изъ себя два враждующихъ другъ противъ друга лагеря. Въ душѣ греки, подобно какъ и мы, придерживаются святоотеческаго ученія, что Имя Божіе есть Богъ; но они открыто не высказываютъ этого, но ожидаютъ, чтобы именно русскіе объявили насть еретикамъ, тогда они, не оскорбляя самолюбія русскаго народа, изгнать отсюда насть, какъ объявленныхъ еретикамъ. Послѣ этого, говорить они, имъ легко уже будетъ удалить отсюда имѣорцевъ, какъ дѣйствительныхъ еретиковъ. Вотъ слова многихъ серьезныхъ грековъ. Объ этомъ не мѣшаетъ подумать!

Въ Вашемъ посланіи мы нашли иѣкоторую не-послѣдовательность, состоящую въ томъ, что Вы усматриваете въ насть „самочинное мудрованіе противниковъ Патріаршаго посланія“. — Вполнѣ очевидно, что этими словами Вы признаете полную необходимость принять безъ всякаго размышленія сю грамоту, какъ содержащую истинное ученіе уже по тому одному, что дана она Патріархомъ. А дальше пишете: „Не предрѣшай по существу вопроса, требующаго великой осмотрительности, мудраго обсужденія всего священническоначалія церкви, я полагаюъ бы съ своей стороны, что противникамъ Патріаршой грамоты подобаетъ смириться, подчиниться ей, а если не могутъ примириться съ симъ, то просить новаго Патріарха пересмотрѣть...“ Значитъ, Вы вполнѣ соглашаетесь, что этотъ вопросъ требуетъ обсужденія его всѣй Церковью, — почему же Вы допускаете въ отношеніи насть подобные выраженія? Не появится ли у читающаго сіи слова недоумѣнія: то вопросъ сей требуетъ обсужденія всѣй Церкви, какъ до сихъ поръ не выясненный; то подобаетъ подчиниться грамотѣ, въ которой она представлена окончательно разрѣшенными? Какъ же быть теперь, чтобы поступить по словамъ сего посланія

и не погрызть? Можно ли принять ученіе Патріарха, если вопросъ сей еще требуетъ „мудраго обсужденія всѣй церкви“? А также: можно ли такому сомнительному и неопредѣленному ученію подчиниться? Почему же мы „преслушинки“ и съ „самочиннымъ мудрованіемъ“, если всѣ представители высшей церковной власти еще сами не знаютъ твердо, гдѣ истина въ этомъ вопросѣ, такъ какъ сознаются, что съ этимъ вопросомъ не знакомы! Наконецъ, — святоотеческое ли это правило подчиняться вся кому безразлично постановленію Патріарха и Св. Синода? — Развѣ въ слѣпомъ подчиненіи заключается истинное послушаніе? Такъ ли поступили Св. Максимъ, Стефанъ и множество другихъ исповѣдниковъ? — Вотъ вопросы, возникающіе у насть при чтеніи Вашего посланія, по на которые мы не нашли въ немъ отвѣта.

Непонятно намъ также, — почему Вы смотрите на возникший обѣ Имени Божіемъ вопросъ, какъ на иѣкое недоразумѣніе изъ-за различного пониманія выражений въ книгѣ о. Иларіона, и говорите, что это еще не ересь! Развѣ не догматический вопросъ первой важности затронуть здѣсь и послѣ извращенія имѣорцами? — Быть можетъ, не всѣмъ — но пастырямъ Церкви сіе надлежитъ вѣдать прежде всего, и закрывать передъ нимъ глаза — преступно.

Ваші слова, что сей вопросъ „требуетъ великой осмотрительности и мудраго обсужденія всего священническоначалія церкви“, — мы вполнѣ принимаемъ и находимъ, что они совершенно выражаютъ назрѣвшую нужду въ такомъ Соборѣ. Что же касается Вашего предложенія намъ: „просить новаго Патріарха пересмотрѣть“ этотъ вопросъ, то этимъ, думаемъ мы, никакъ дѣло не исправится, какъ показалъ уже опытъ, потому что если не та, то другая сторона останется недовольной; тѣмъ болѣе — утвержденіе догматическихъ вопросовъ, къ каковымъ и сей принадлежитъ, есть долгъ все-

денской Церкви, которой поневолѣ подчиняется даже тѣ, кто до Собора не придерживался святоотеческаго по сему поводу ученія.

До сихъ порь, Владыко Святый, по непонятнымъ причинамъ, никто не рѣшался сдѣлать какой-нибудь упрекъ имѣборцамъ; Вы почти первый изъ епископовъ указали на ихъ кощунственный поступокъ— „попраніе ногами записочки со Святымъ Именемъ Господа Іисуса Христа“. Но это одинъ изъ весьма многихъ другихъ кощунственныхъ и богохульныхъ ихъ поступковъ...

Въ послѣднее время прибыло къ намъ изъ Россіи нѣсколько лицъ, весьма причастныхъ къ духовной жизни, дѣлу миссіонерства и даже къ высшимъ духовнымъ сферамъ. Изъ взаимообщенія выяснилось, что они вездѣ много слышали о нась и нашихъ безпорядкахъ, но, оказалось,—совершенно не знали того, что все это произошло единственно изъ-за почитанія Имени Божія. Это вполнѣ доказательно подтвердило нашу мысль, что нигдѣ въ Россіи не знаютъ истины обо всемъ происходящемъ на Аeonії, такъ какъ пользуются крайне ложными и извращенными обѣ этомъ свѣдѣніями лживыхъ имѣборцевъ, чѣмъ и питаются всю Россію.—Нечего и говорить, что вышеупомянуты лица, уразумѣвъ догматическую истину обѣ Имени Божіемъ, основанную на Святоотеческихъ писаніяхъ, тутъ же дѣлались исповѣдниками, на дѣлѣ признавая предъ всѣми свое до сихъ порь незнакомство съ истиной.

На этомъ, Владыко Святый, и закончимъ мы свой отвѣтъ на Ваше посланіе.

Простите, если что волей или неволей допустили написать въ своесть отвѣтѣ такое, что покажется Вамъ рѣзкимъ или безъ соблюденія должнаго благоговія и почтенія предъ лицомъ Божія Святителя. Не взыщите строго съ насъ за это, такъ какъ мы—люди

простые и неученые. Здѣсь въ своесть отвѣтѣ, мы иложили разныя событія, отношенія, ученіе и все прочее, касающеся нашей духовной борьбы, такъ, какъ сами его знаемъ, видимъ и понимаемъ, безъ какаго бы то ни было преувеличенія или иного иска-женія истины. Если же въ чёмъ, кромѣ святоотеческихъ писаній, по недоразумѣнію погрѣшили, то простите насъ Господа ради и Его Пречистыя Матери, молимъ Васъ! Земно кланяемся Вамъ и усерднѣйше про-симъ Вашего Святительскаго благословенія и Архиpastырскихъ молитвъ. Вашего Преосвящен-ства смиреннѣйшіе послушники — Аеонскіе иноки-исповѣдники. 1913 г. 9 апрѣля. Аминь.

III.

Исповѣданіе вѣры во Имя Божіе.

- 1) Исповѣдую, что Богъ неотъемлемо присутствуетъ въ Своемъ Имени Иисусъ.
- 2) Исповѣдую, что Имя Иисусъ есть Богъ, т. е. Имя отъ Бога не отдѣляю и считаю, что то и другое не раздѣльно.
- 3) Исповѣдую, что Имя Иисусъ есть Богочестасное и относится равно и къ человѣчеству и къ Божеству Его.
- 4) Исповѣдую, что Имя Иисусъ, всесильно творить чудеса и знаменія и спасаетъ призывающихъ и надѣюющихся на Него; и что чудо исцѣленія хромого Ап. Петромъ, вопреки беззаконному учению инона Хрисанеа и подобныхъ ему (журн. „Русскій Инонъ“ — рецензія), содѣжалось Божественною силой Имени Господня, какъ онъ и самъ (Ап. Петръ) исповѣдалъ сіе (Дѣян. 3 гл. 16 ст.).
- 5) Исповѣдую, что имя Иисусъ нисколько не меньше и не больше другихъ Именъ Божихъ, какъ-то: Господь Саваоѳъ, и другихъ Именъ, коими Богъ именовался во вся вѣки отъ начала бытія міра,—а равноточно всѣмъ имъ.
- 6) Отрицаюсь я тѣхъ, кои Имя Иисусъ не считаютъ Богомъ и считаютъ меньшимъ прочихъ Именъ Божихъ, и что Оно аки бы не предвѣчно, но лишь не столь давно наречено Ангеломъ.

IV.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ИЗЪ СВ. ПИСАНІЯ И СВ. ОТЕЦЬ-УЧЕНИЯ ОБЪ ИМЕНИ БОЖІЕМЪ, ИЗЛОЖЕННАГО ВЪ ШЕСТИ ПУНКТАХЪ „ИСПОВѢДАНІЯ“.

- 1-й пунктъ. Исповѣдую, что Богъ неотъемлемо присутствуетъ въ Своемъ Имени „Иисусъ“.
 - 1) „Великое Имя Божіе заключаетъ въ себѣ Божественные Его свойства, никакой твари не сообщаемыя, но Ему Одному собственныя, какъ-то: единосущіе, приспособющіе, всемогущество, благость, премудрость, вседѣсущіе, всевѣдѣніе, правду, святость, истину, духовное существо и проч. Сіи собственные свойства открываетъ намъ Духъ Святый въ Словѣ Своемъ“. (Св. Тихонъ Задонск. 3-я книга, гл. 2-я, стр. 64—65).
 - 2) Приснопамятный о. Иоаннъ Кронштадтскій пишетъ: „Господь, при безконечности Своей, есть такое простое существо, что Онъ весь бываетъ въ одномъ Имени „Господъ“, въ Имени „Троица“, или въ Имени „Иисусъ Христосъ“. (Моя жизнь во Христѣ, стр. 237—422). И еще: „Во Имени Иисусъ Христосъ весь Христосъ—душа и тѣло Его, соединенное съ Божествомъ“ (стр. 7, вып. 5).
 - 3) Тамъ же. „Онъ (Богъ) весь и во всемъ сущемъ, все проходить, все наполняетъ Собою. Напр., мы чи-

таете молитву, и Онъ весь въ каждомъ словѣ, какъ святой огнь проникая каждое слово... Особено Онъ весь въ принадлежащихъ Ему Именахъ. (Моя жизнь во Христѣ. Томъ I-й, стр. 130).

4) Тамъ же. „Слово потому надо еще уважать крѣпко, что и во единомъ словѣ бываетъ Веадѣсущій, Всѧиисполняющій, Единый и Нераздѣльный Господь”.

5) Слово Паисія Величковскаго: „Пресладкое Имя Иисусово, съ памятью Бога ту суща (т.-е. сущаго въ Имени Иисусовомъ), все исполнениѣ живущаго въ Иисусѣ (т.-е. въ Имени Иисусъ), подвижетъ умъ въ молитву” (стр. 116).

6) Святитель Игнатій Брянчаниновъ говорить: „Имя Господа нашего Иисуса Христа содерхитъ въ себѣ особенную силу” (Аскетич. Опыты. Т. 2-й, стр. 193).

7) О. Іоаннъ Кроншт.: „Когда ты про себя или въ сердцѣ говоришь или произносишь Имя Божіе, Господь, или Пресвятая Троица, или Господа Савасеа, или Господа Иисуса Христа, то въ этомъ Имени ты имѣешь все существо Господа” (Мысли христіанина, 46—47).

2-й пунктъ. Исповѣдую, что Имя Иисусъ есть Самъ Богъ, т.-е. Имя отъ Бога не отдѣляю и считаю, что то и другое нераздѣльно.

1) Въ православномъ катихизисѣ (изд. 1878 г.) сказано: „Преславными и различными Именами нарешия можетъ Богъ, ихъ же никто же отъ Него отлучити не можетъ”. (Листъ 256).

2) „Почему вы, обѣщающіе прежде исповѣдывать единосущіе, въ страданіе вовлекаете **нераздѣльное** Имя, самое недѣлимое естество, самое неизреченное Божество...” (Св. Аѳанасій Великій. Часть 3-я, стр. 352).

3) Св. Іоаннъ Дамаскинъ говоритъ: „О каждой Упостаси Имя Богъ глаголется, вонкіи же Имени

Божества о Упостаси реши не можемъ”. (Л. 92 об. Изд. 1785 г.).

4) Блаженный Феофилактъ Болгарскій говоритъ: „Если бы Имя Отца было не Богъ, и Имя Сына—не Богъ, и Имя Св. Духа—не Богъ, то слѣдовало бы сказать: „во Имя Бога Иисуса Христа”, или даже просто только—въ „Сына”. Но онъ (Петръ) говоритъ: „во Имя Иисуса Христа”, зная, что Имя Иисуса есть Богъ, равно какъ Имя Отца и Св. Духа”. (Толк. на гл. 2-ю, стр. 38, стр. 68-я).

5) Св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ: „Пророкъ присовокупилъ: „Благословите Имя Его”,—будешь ли разумѣть Отца или Сына, или Святаго Духа, потому что Имя Троицы Богъ”. (Томъ 5-й, стр. 926).

6) Св. Исаїхъ Йерусалимскій говоритъ: „Да соединимъ Имя Иисусово своему дыханію. Ово бо есть Свѣтъ, тѣ же (т.-е. помыслы) тма: и ово (т.-е. Имя Иисусово) есть Богъ и Владыка, тѣ же (помыслы) раби бѣсомъ”. (Слав. Добр. Ч. 2, гл. 170).

7) Св. Григорій Синаитъ пишетъ: „И что множайше глаголати: молитва есть Богъ, дѣйствующій вся во всѣхъ”. (Тамъ же, томъ 5, гл. 113). А что же такое молитва, какъ не перечень Именъ Божіихъ (Господи, Иисусе Христе, Сыне Божій...)?

8) О. Іоаннъ Кроншт. говоритъ: „Имя Божіе есть Самъ Богъ”. (Моя жизнь во Христѣ. Вып. 5, 1893 г. стр. 7). „Имя Господа есть Самъ Господа,—Духъ веадѣсущій ипростой. Великія Имена: Пресвятая Троица, или Отецъ, Сынъ или Св. Духъ, воображаемыя въ душѣ,—суть Самъ Богъ и низводять въ душу Самого Бога въ трехъ лицахъ”. (Мысли христіанина, стр. 46—47).

9) Св. Симеонъ Нов. Богосл. въ концѣ 62-го слова (вновь переведено) говоритъ: „Слово Божіе есть живо и непреодолимо и дѣйственno, Богъ истинный. Равнымъ образомъ и истина Божія паче ума и слова че-

ловѣческаго,—Богъ бессмертный, неизмѣнныи, непреложный и живыи". (Ч. 2-я, 108).

10) Св. Макарій Египетскій говоритъ: „Слово Божіе есть Богъ, а слово міра есть міръ. Но большоѣ разли-
чие и разстояніе между словомъ Божіимъ и словомъ міра, между чадами Божіими и чадами міра". (Сл. 46-е, стр. 293).

11) Святитель Игнатій Брянч.: „Положить другое основаніе для моленія Именемъ Іисуса, кроме положен-
наго,—невозможно,—оно и есть Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Богочеловѣкъ"... „Вся сила и все
дѣйствіе молитвы Іисусовой истекаетъ изъ покло-
няемаго и всемогущаго Имени Іисусъ, Имени, единаго
подъ небесамъ, о немъ же подобаетъ спастися
намъ". (Аскетич. опыты. Томъ 2-й, стр. 310 и
стр. 311).

12) О. Іоаннъ Кронштадтскій: „Великія Имена:
Пресвятая Троица, или Отецъ, Сынъ и Св. Духъ, или
Отецъ, Слово и Св. Духъ, воображаемыя въ душѣ,—
суть Самъ Богъ и позводять въ душу Самого Бога
въ трехъ лицахъ". (Мысли христіанина, 47).

Вселенскій Патріархъ и имѣборческие клеветники упорно, несмотря на наши протесты, приписываютъ намъ, будто мы считаемъ Имя Божіе существомъ Божіимъ. На это мы еще разъ заявляемъ, что это—не-
правда. Но мы считаемъ, что Имя Божіе, какъ энер-
гія, или дѣйствіе Божества, на основаніи анаемы на
Варлаама и словъ Св. Симеона Н. Б. (сл. 62), есть
Богъ.

З-й пунктъ. Исповѣдуя, что Имя Іисусъ
есть Богоупостасное и относится равно и
къ человѣчеству и къ Божеству Его.

1) Св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ: „Когда ты на-
зываешь Его (Іисуса) Христомъ, то выражашь вмѣсть
и то и другое въ Немъ: поэтому Христосъ можетъ
быть называемъ и страстнымъ и безстрастнымъ:

страстнымъ по плоти и безстрастнымъ по Божеству.
То же самое, что о Христѣ, можетъ быть сказано о
Сынѣ, обѣ Іисусъ, о Господѣ,—такъ какъ всѣ эти
Имена суть общія и выражаютъ собою оба естества,
совмѣщеніе которыхъ подъ ними и вводить еретиковъ
въ заблужденіе, какъ скоро они Имя Христосъ при-
нимаютъ вмѣсто общаго за собственное. Однако, эти
только общія Имена и должно употреблять, когда
исповѣдуешь таинство домостроительства". (Томъ 3-й,
стр. 814. Мон. Кесарію).

2) Св. Григорій Нисскій: „Всѣ Имена Божіи, кото-
рыми мы именуемъ Его, равно именуютъ неименуемую
сущность Его; потому, когда скажемъ одно которое
либо Имя Божіе,—этимъ самимъ безмолвно произно-
сится весь списокъ Именъ Божіихъ". (Часть 2-я,
стр. 412).

3) Тѣ же, кои каждое естество Господа именуютъ
отдельнымъ именемъ, т.-е. Іисусомъ—человѣческое,
а Христомъ—Божеское,—подпадутъ подъ 4-ю анаему
3-го вселенскаго Ефесскаго собора, которая гласитъ:
„Кто выраженія, находящіяся въ писаніяхъ Евангель-
скихъ и апостольскихъ, сказанныя о Христѣ, либо
Имъ Самимъ о Себѣ, различаетъ такъ, что одни изъ
нихъ приписываютъ человѣку, отъ Слова Божія разу-
мѣваемому, а другія, какъ Богоприличныя, одному
только Слову, Сущему отъ Бога-Отца: тотъ да будетъ
анаема! (Прав. докт. Богосл. М. Макарія. Томъ 2,
стр. 84).

4) Св. Василій Вел. говоритъ къ Неокесаріанскимъ
ученымъ: „Сіе давно уже заглушенное заблужденіе
возобновляютъ нынѣ изобрѣтатели этой безыменной
ереси, отмѣтающіе чистоту и отрицающіе Именование
Сына Божія, о которыхъ, если они не перестанутъ
говорить на Бога неправду, надобно плакать, какъ и
объ отрекающихся отъ Христа". (Томъ 7-й, стр. 85).

Имѣборцы утверждаютъ, что имя Христосъ отно-

ится къ Божескому, а Иисусъ—къ человѣческому естеству Господа,—почему, для обозначенія Божества Его, всегда нужно говорить „Иисусъ Христосъ“, а отдельное провозглашеніе Его Имени „Иисусъ“, какъ относящагося будто бы только къ человѣчеству, является совершенно недостаточнымъ. Такое несмысленное объясненіе опровергается вышеизложенными учениемъ Св. Иоанна Злат. и прочихъ святыхъ, а равно и Симеона Н. Б., который говорить, что когда рѣчь идетъ о людяхъ, то имена, приложенные къ нимъ, суть прости и безкианены, а когда ими называемъ Бога, то и Имена Его суть—Богъ. (Ковецъ 62-го слова, стр. 107—108).

4-й пунктъ. Исповѣдую, что Имя Иисусъ, вслѣдствіе присутствія въ немъ Божества, въсильно творитъ чудеса и знаменія и спасаетъ призывающихъ и падающихъ на Него, и что чудо исцѣленія хромого Ап. Петромъ, вопреки беззаконному учению инона Хрисанфа и подобныхъ ему (журн. „Русск. Инон.“,—Рецензія), содѣжалось Божественною силой Имени Господня, какъ онъ и самъ, Апостолъ Петръ, исповѣдалъ сіе. (Дѣян. 3-я гл., 16 ст.).

1) О томъ, что Имя Божіе спасаетъ призывающихъ Его, сказано: „И будетъ всякий, кто призоветъ Имя Господне, спасется“. (Дѣян. 2, 21).

2) Что Имя Божіе всемогуще и непостижимо уму человѣческому, блаж. Феофилактъ Болгар. говоритъ: (Дабы вѣдь языцы) „вѣровали, слыша о Имени Христа, а не о Существѣ Его; ибо чудеса творило Имя Христово, и Оно Само требуетъ вѣры, потому что и Его нельзя постигнуть разумомъ“. (Толк. на посл. къ Римл. 1, 5, стр. 6).

3) Блаж. Феодоритъ: „Свято и страшно Имя Его.— Для вѣрующихъ оно свято, превоздейльно, и исто-

чаетъ обиліе благъ, а невѣрующихъ и живущихъ беззаконно мучить и наказуетъ“. (Стр. 265, часть 2, изд. 1856 г.).

4) Что Имя Господа есть живое и дѣйственное, а значитъ—и Самъ Богъ, Пророкъ Исаія говоритъ: „Вотъ Имя Господа идетъ и надали, горить гнѣвъ Его, и пламя Его сильно, уста Его исполнены негодованія, и языки Его, какъ огнь пожающій, дыханіе Его, какъ разлившійся потокъ, который поднимается даже до шеи, чтобы развеять народы до истощенія; и будетъ въ челюстяхъ народовъ узда, направляющая къ заблужденію“. (Исаія 30, 27, 28). А Евангелистъ Иоанъ поучаетъ объ Имени Божіемъ: „И сія есть заповѣдь Его, да вѣруемъ во Имя Сына Его“ (1 Иоан. 3, 23). „Елицы пріяша Его, даде имъ область чадомъ Божіимъ быти, вѣрующимъ во Имя Его“ (Иоан. 1, 12). „Не вѣрюй, уже осуждень есть, яко не вѣровъ во Имя Единороднаго Сына Божія“ (Иоан. 3, 18). А также Иоаннъ—14, 13;—16, 23; 24; Малах.: 1, 11, 14; Псалтиры: 71, 14, 17; 85, 9; и др. Прор. Исаіи: 24, 15; 42, 4; 49, 1; 64, 2 и др. Даниил.: 9, 18, 19 и др.

5) Св. Иоаннъ Карпацкій: „Когда же мы приываемъ Имя Господа нашего Иисуса Христа, то совѣсть наша тотчасъ очищается, и неѣть никакой разницы между нами и пророками и другими святыми“. (Слав. Добротолюбіе. Т. 4-й. Сл. Ипд. Инон.).

6) Въ Дѣян. Ап. Петръ говорить народу: „Разумно буди вѣль въмъ и вѣль людемъ Израилемъ, яко во Имя Иисуса Христа Назореа, Егоже вы распясте, Егоже Богъ воскреси отъ мертвыхъ, о семъ сей стоять предъ вами здравъ. (Т.-е. чудо сотворено Именемъ Господа „Иисусъ“. Ибо это есть Имя Божіе, которое по своему всемогущству непостижимо для насъ, и творить чудеса, а не сама по себѣ вѣра Апостола, какъ зломудрствуютъ имѣборцы). Сей есть ка-

мень укореный отъ васъ зиждущихъ, бывый во главу угла: и нѣсть ни о единомъ же иномъ спасенія. Нѣсть бо иного имени подъ небесемъ даннаго въ человѣцѣхъ, о немже подобаетъ спастися намъ". (Дѣян. 4, 10, 11, 12).

7) Въ великопостной молитвѣ читаемъ: „Иисусе,— спасительное Имя, помилуй мя!" (Пар. 6-го часа, въ пятокъ 4-й седмицы).

8) Авва Исаія: „Имя Его честное, творящее милость, бывшее для святыхъ образомъ во всемъ, сильно (есть) заступиться въ немощь пашу, и, поширеши нашей, простить намъ грѣхи наши, чтобы и мы обрѣли милость со всѣми достойными Аминъ". (Слово 13-ое, стр. 68).

Для доказательства изложенного въ семь пунктовъ исповѣданія можно привести безчисленное множество свидѣтельствъ изъ Св. Писанія, житій святыхъ и проч.; въ виду же полной очевидности сего, мы ограничимся пока приведеннымъ.

5-й пунктъ. Исповѣдуя, что Имя Иисусъ никакъ не меньше и не больше другихъ Именъ Божіихъ, какъ-то: Господь, Саваоѳъ, и другихъ Именъ, коими Богъ именовался во вся вѣки отъ начала бытія міра, а равночестно всѣмъ имъ.

1) Св. Василій Великій: „Всѣ богоільныя понятія и именованія равночестны между собою... Изъ Божественныхъ Писаній можно собрать и представить много такихъ доказательствъ, что Имя Богъ ничѣмъ не выше прочихъ богоільныхъ наименованій, когда, какъ выше сказано, находимъ, что оно одинаково употребляется о предметахъ различныхъ. Но знаемъ изъ Писанія, что имена: святый, нетлѣнnyй, правый, благій, никогда не даются предметамъ недостойнымъ". (Часть 7-я, стр. 24—25).

2) Св. Кирилъ Іерусалимскій: „Чтобы множество наименованій не заставили тебя подумать, будто бы

сыновъ много, и по причинѣ заблужденія еретиковъ, утверждающихъ, что иной есть Христосъ, иной Иисусъ, иной—дверь, и такъ далѣе, символъ вѣры предостерегаетъ тебя, прекрасно говоря: „во единаго Господа Иисуса Христа". Ибо хотя именованій много, но Именуемый одинъ". (10 Сл. Оглас. 3). Св. Іоаннъ Злат.: „Имя Богъ не больше Имени Господь, и Имя Господь не меньше Имени Богъ"... (Томъ 1-й, стр. 536). Отсюда видно, что всѣ Имена Божіи равночестны и равноведични.

3) Св. Димитрій Ростовскій въ словѣ на Обрѣзаніе Господне говоритъ: „Въ началѣ то новое Преблагословенное Имя „Иисусъ", яко Имя царское, да напишется въ книгахъ царскихъ. Царское Имя „Иисусъ", ибо и на небѣ, и на землѣ царствующее: на небѣ соцарствуетъ Отцу, на землѣ пріемлетъ отъ царей дары съ титлою царскою..."

5) Блаж. Феодоритъ: „Не утверждаемъ, что, какъ баснословитъ Валентинъ, иный есть Единородный, иный—Слово, Иный—Христосъ, и еще иный Иисусъ. (Часть 6-я, стр. 8, изд. 1859 г.). „Единъ и тотъ же, какъ научены мы, есть и Господь и Единородный, и Богъ Слово, и Спаситель, и Иисусъ". (Тамъ же, стр. 10).

6) Св. Афанасій Великій: „Если Слово Божіе называетъ Себя Премудростю, Силою, Десницею, Мыщцею и другими таковыми же Именами, и если по человѣколюбію входить въ единеніе съ нами, облекаясь въ нашъ начатокъ и съ нимъ срастворяясь, то слѣдуетъ, что одно и то же Слово по справедливости пріяло на Себя и прочія именованія... Посему, подъ Именемъ Христа разумѣть и то и другое вмѣстѣ, т. е. Божіе Слово, соединенное въ Маріи съ Тѣмъ, Кто отъ Маріи". (Часть 2-я, стр. 490—491).

6-й пунктъ. Отрицаюсь я тѣхъ, кои Имя Иисусъ не считаютъ Богомъ и считаютъ меньшимъ прочихъ именъ Божіихъ, и что

оно аки бы не предвѣчно, но лишь не столь давно наречено Ангеломъ.

1) Анаема противъ еретика Варлаама, считавшаго озаряющій подвижниковъ Свѣтъ и другія благодатныя состоянія—тварнымъ (твореніемъ, а не Богомъ): „Тѣмъ, которые мудрствуютъ и говорятъ, что Имя Богъ выражаетъ только Существо Божественное и не исповѣдуютъ по богоусповѣденному церковному мудрованію сказанныхъ, что Именемъ Богъ обозначаются равными образомъ и Божественныя дѣйствія,—анаема!“ А о Божественныхъ дѣйствіяхъ учить Св. Василій Вел.: „Всякое благо, исходящее къ намъ отъ Божіей Силы, называемъ дѣйствіемъ все во всѣхъ производящей Благодати, какъ говорить Апостолъ: вся же сія дѣйствуетъ единъ и тойже Духъ, раздѣляя властію коемуждо якоже хотеть“. (1 Кор. 12, 11).

2) Ученіе о томъ, что дѣйствіе Божіе есть Богъ, съ особенной полнотой и ясностью развили Св. Симеонъ Нов. Бог. въ концѣ 62-го слова. Овъ, между прочимъ, говорить: „Богъ есть Свѣтъ... и то, что отъ Бога, Свѣтъ есть... гласть Его—Свѣтъ и проч., а также: Христосъ, Иисусъ, Спаситель... Свѣтъ“. Въ греческой книжѣ послѣ слова „Христосъ“ стоять запятая для отдѣленія его отъ слова „Иисусъ“, какъ равновеликаго, и сдѣлано примѣчаніе: „Здѣсь (подъ Свѣтомъ) Отецъ Симеонъ понимаетъ дѣйствія, а не лицо!“ Значить, вполнѣ ясно, что Имена Христосъ, Иисусъ и др., какъ дѣйствія Божіи,—суть Свѣтъ, т. е.—Богъ.

3) Св. Кирилль Іерусалимскій: „Единъ есть Господь Иисусъ Христосъ; Имя чудное, не прямо предвозвѣщенное Пророками. Ибо Исаія Пророкъ говоритъ: се Спаситель твой грядетъ, имѣй съ Собой мзду (Исаіи, 62, 11). Словомъ же: Спаситель—переводится еврейское слово Иисусъ. Ибо пророчественная благодать, провидя, что Іудеи будутъ убийцами Господа, прикрыла именование, чтобы, предузнавъ ясно, не приступили

тотчасъ же къ зломуышленію. Иисусомъ же не люди наименовали Его, но явственно наименовалъ Ангелъ, который пришелъ не по своей власти, но посланъ Божію Силою“. (Слова огласительныя. 10-е. Стр. 144, изд. 1855 г.).

4) Св. Димитрій Ростов.: „Сие Имя спасительное Иисусъ прежде всѣхъ вѣкъ въ Троицкомъ Совѣтѣ бѣ предуготовано, написано и даже доселъ хранимо на наше избавленіе... безвѣстная и тайная Премудрость Божія во Имені томъ явлена... безвѣстна бѣ сила Имені Иисусова, въ Совѣтѣ Предвѣчномъ, аки въ сосудѣ, сокрываема. Поклоняемся усердно пресвятыму Имені Твоему, о Пресладкій и Всещедрый Иисусе! (Четыи-Минеи, 1-е января. Слово на Обрѣзаніе Господне).

5) Св. Иоаннъ Злат.: „Когда Господь возвѣстить что-нибудь, то слушатели не должны перетолковывать словъ Его и съ любопытствомъ изслѣдывать, но обязаны только принять ихъ. И Апостолы были посланы для того, чтобы передать то, что слышали, ничего не прибавляя отъ себя, чтобы и мы наконецъ увѣровали. Чему же увѣровали?—О Имені Его.—Мы не должны изслѣдывать сущности Его, но вѣровать во Имя Его, такъ какъ оно творило и чудеса“. (Т. 9, стр. 492).

6) Кто Св. Писаніе перетолковываетъ, по своему, якобы богословскому, разуму и этимъ искажаетъ прямой и дословный смыслъ, ясно и определенно благодатію Св. Духа изложенный, подпалъ слѣдующей анаемѣ: „Неправо изъясняющимъ богомудрыя изреченія св. учителей Церкви Божіей и покушающимся перетолковывать и извращать смыслъ ученія, ясно и определенно благодатію Св. Духа изложенного,—анаема!“ (Анаематствованіе въ 1-ю недѣл. Вел. Поста. К. Никольского. 1879).

Не лишнимъ считаемъ указать анаему противъ

тѣхъ, кто по ласкосердю, человѣкоугодю и другимъ страстямъ сообщается съ еретиками: „Кто защищаетъ кого-либо приверженаго къ ереси, обвинителей христіанъ или проводящаго въ ней жизнь, тому анаема!“ (Тамъ же. Стр. 19).

Богу нашему слава, аминь! Аeonцы-исповѣдники. 22-го апрѣля 1913 г.

V.

Отзывъ Халкинскай Богословской Школы объ учени
„имеславцевъ“.

Всесвятѣйшій Владыко!

Отвѣчая на почтенныя патріаршія предложения отъ 15 февр. и 20 марта с. г. о обнаружившемся на Святой Горѣ новоявленномъ учени, почтительно доносимъ, что учение это имѣть своею точкой отправления нѣкую книгу юромонаха Иларіона, озаглавленную „На горахъ Кавказа“ (1910, изд. 2), — книгу, написанную въ духѣ мистицизма, каковой (= мистицизмъ) истекаетъ, правда, какъ извѣстно, изъ живого религіознаго чувства и обнаруживаетъ живую вѣру и любовь, но, однако, принимаетъ, какъ это часто и во многихъ мѣстахъ случалось и въ прежнее время, уклоненія отъ докторовъ и учений освященнай правой вѣры, т. к. въ изслѣдованіи и пониманіи религіозныхъ истинъ слѣдуетъ скорѣе внушеніемъ сердца и непосредственнаго чувства, чѣмъ ума.

Что же касается сущности упомянутаго учения, то Советъ богословскихъ преподавателей не могъ за недостаткомъ времени разобрать обширную и лишь на русскомъ языке присланную ему „Апологію“, но думаетъ, однако, что понять ея духъ, основываясь — и только — на иныхъ, предложенныхъ на разсмотрѣніе Священному Синоду и присланныхъ ему (= Синоду), русскихъ и греческихъ рукописяхъ и печатныхъ изданіяхъ, — въ видѣ ли исповѣданій, или въ видѣ также актовъ и поученій,

Ученіе ихъ о божествѣ имени Иисуса, хотя оно и центральное, не ограничивается, однако, только этимъ именемъ, но имѣть отношеніе вообще къ божественнымъ именамъ въ Откровеніи. Они учатъ, что всѣ имена, которыми въ Божественномъ Откровеніи называется Богъ, не суть человѣческія, а, такъ сказать, богоданнія, т. е. имена, которыхъ избралъ и усвоилъ Себѣ Богъ до созданія міра, чтобы въ нихъ открыть Себя міру, вслѣдствіе чего Онъ и присутствуетъ, и живеть, и пребываетъ въ нихъ, и нераздѣльно и, такъ сказать, упостасно соединенъ съ ними. Отсюда, и имена эти, не какъ простыя буквы и слоги, но какъ имена, неразрывно соединенные съ Богомъ и нераздѣльно и неразлучно посыпая въ себѣ Самаго Бога, не только называются божественными, но суть Самъ Богъ, п. ч. Богъ какъ бы воименовался и имена обожествились вслѣдствіе такого единенія.

Такимъ же образомъ и имя Иисусъ приняло Себѣ Слово до созданія міра, чтобы въ исполненіи времени открыться въ немъ, какъ воплощенное Слово, отличное отъ него, но нераздѣльно, и неразлучно съ нимъ соединенное, по аналогіи упостаснаго соединенія двухъ естествъ—божескаго и человѣческаго. Такимъ образомъ и здѣсь до воплощенія во временіи Слова существуетъ предвѣчное какъ бы воименование его; и принятное такъ имъ носить въ себѣ, какъ нераздѣльно и неразлучно соединенное съ Нимъ, присущее, живущее и пребывающее Само воплотившееся Слово. Слѣдовательно, имя Иисусъ, не какъ буквы и слоги, но какъ нераздѣльно соединенное съ Богочеловѣкомъ, есть не только божественное, но и Самъ Богъ, почему и имя само имѣть то же достопочтество и силу, какъ само Слово Божіе. Такъ истолковывая имя Иисусъ и протестуя, вѣроятно, противъ иначе мыслящихъ, которые называютъ ихъ имепоклонниками, они сами характеризуютъ ихъ, какъ имеборцевъ, еретиковъ, какъ

отдѣляющихъ соединенное, по ихъ мнѣнію, неразрывно съ лицомъ имя Иисусъ отъ него.

Доказательства, приводимыя для обоснованія такого ученія, суть отчасти извѣстныя мѣста Св. Писанія¹⁾, въ которыхъ безразлично употребляется имя или лицо Иисуса или Бога Отца, или же собственныя изреченія²⁾ древнихъ и болѣе новыхъ мистиковъ, или даже церковныя молитвы³⁾, толкуемыя, конечно, по ихъ собственному пониманію,—частью же—богословскіе силлогизмы. Изъ послѣднихъ слѣдуетъ замѣтить особенно слѣдующій силлогизмъ, какъ находящійся въ связи съ опредѣленнымъ соборѣ Церковью во время исихастскихъ споровъ XIV вѣка отношеніемъ *энергії* (дѣйствій) Бога къ сущности Его, и, какъ вводящий и имя Иисуса въ число энергій: Въ отвѣтъ, очевидно, на какое-то изложеніе „исповѣданія вѣры“ ихъ противниковъ изъ обители Св. Пантелеимона, испогодующіхъ, что они ни отѣлаютъ имени Иисуса отъ Него, ни смѣшаютъ его съ Нимъ,—они утверждаютъ, что это же самое принимаютъ и они, но принимаютъ не по иной какой причинѣ, а лишь потому, что свойства и энергіи Его *невозможно, ни отѣлить, ни смѣшать съ сущностью Еgo*. Исходя изъ этого положенія и опираясь на извѣстное опредѣленіе Церкви, что Божество принадлежить природѣ,—слѣдовательно, и свойствамъ и энергіямъ Бога⁴⁾, они выводятъ заключеніе, что и имя Иисусъ,

¹⁾ Іо. 3, 23. Іо. 3, 18. Іо. 1, 12. Філ. 2, 9. Діян. 3, 6; 4, 10; въ этомъ (они прибавляютъ: *имени*) опять стоять задорни.

²⁾ Симеона Богослова, 62 богосл. слово; Кирилла Єрус. 5 оглашеніе (ссылки на рус. переноды).

³⁾ 1 и 7 молитва Шестопсалмія. Конецъ утреніи.

⁴⁾ „Еще тѣмъ же самимъ, мыслящимъ и говорящимъ, что имя божества говорится только о божественной сущности, но же признающимъ согласно съ богохвальными богословствованіями Святыхъ и благочестивымъ видѣніемъ Церкви, что оно не менѣе употребляется и о божественной энергіи, и такимъ образомъ опять всѣми способами пропойдущимъ единое божество Отца, Сына и С. Духа,

какъ и всякое вообще откровенное божественное имя, не только указываетъ на свойство и энергию Бога, но есть и Самъ Богъ.

Излишне указывать, что такое заключеніе, правда, согласно съ представлѣніемъ, которое они образовали о божественныхъ именахъ, какъ о энергіяхъ Бога, но само это мнѣніе, что они суть энергіи Бога,— есть новоявленное и суесловное, а ихъ оправданіе, что всякое слово Бога, какъ энергія Его, не только даетъ жизнь и духъ, но есть самъ духъ, сама жизнь, Самъ Богъ,— это оправданіе, примѣняемое вообще, ведеть къ заключеніямъ (каковы: „имя Иисуса есть Богъ; слова, слышанныя на Фаворѣ Апостолами, суть Самъ Богъ; слова, слышанныя на Синаѣ Израильянами, суть Самъ Богъ, и всякое божественное слово въ Евангелии есть Самъ Богъ“¹⁾), которыя, вопреки всѣмъ ихъ отрицаніямъ, пахнутъ пантегиазомъ.

Наконецъ, Совѣтъ богословскихъ преподавателей замѣтилъ и то, что и противоположная партія—дѣйствующая ли въ примирительномъ духѣ, или иначе,— дошла до такого толкованія мѣста Писанія „въ которомъ намъ должно спастись“ (Дѣян. 4, 12), какъ будто вѣрять и они, что спасаются во имени Иисуса, какъ имени, но поклоняться имени не должны, а Самому Иисусу. Т. о. они дали поводъ къ защищаемому²⁾ опроверженію³⁾.

Почтительно предлагая это, мы молимъ, чтобы возлюбившіе пустынное и спокойное житіе, просвѣщающіе

назоветъ ли кто божествомъ сущность Ихъ, или энергию, какъ и этому учить нась божественные тайноводцы,—анаѳема“ (*Трофей*, анѳемъ главы противъ Варлаама и Акиндина).

Это мѣсто, по мнѣнію Успенскаго, испорчено. Повидимому, здѣсь прощено отрицаніе. Ред.

¹⁾ Послание Іером. Антонія Булговича къ А. О. П. 27 Авг. 1912.

²⁾ Имѣславцами.

³⁾ Т. е. противоположному ииеборцамъ мнѣнію. *Приимѣнѣе переводчика.*

свѣтомъ истины, воздерживались отъ такихъ опасныхъ изысканій и споровъ, питаемые словами вѣры и прекраснаго ученія, которое они приняли, и посвящающіе себя преданному въ духѣ и истинѣ служенію Самому Господу нашему Иисусу Христу.

Съ безграничнымъ почтеніемъ
Въ Богословской школѣ на Халки, 30 марта 1913 г.

(Подпись:) Начальникъ школы

Селевкійскій. Герм. П. Стрионупулось.

Собрание богословскихъ преподавателей:

(Подпись:) Архим. Іоаннъ
Архим. Димитрій
Діаконъ В. Стефаніадисъ
В. Антоніадисъ
П. Комниносъ.

VI.

**Посланіе на Аeonъ Константинопольского Патріарха
Германа.**

Германъ, милостію Божію Архієпископъ Константино-
поля, Нового Рима, и Вселенскій Патріархъ.

Преподобиіші Епистаты и Антипресопы Кинота
(Соборія) Св. Горы, возлюбленная о Господѣ чада
нашой мѣрности, да будеть съ вашимъ преподобіемъ
благодать и миръ отъ Бога!

Изъ разныхъ грамматъ, полученныхъ изъ вашего
святаго мѣста, такъ и изъ особенно важнаго доклада
вашего преподобія, съ прискорбіемъ узнали Церковь
о всемъ касающемся нѣкогда явившагося и распро-
страняющагося тамъ—собственно между русскими мо-
нахами—новшества и суесловнаго ученія объ имени
„Іисусъ“, какъ бы Самомъ Сущемъ Іисусъ и Богъ и
нераздѣльно и, такъ сказать, ипостасно отождествляе-
момъ съ Нимъ.

А такъ какъ происшедшее отъ заблужденія и пре-
вратнаго невѣжественнаго толкованія новоявленное и
неосновательное это ученіе составляетъ хульное ало-
словіе и ересь, какъ отождествляющее и сливающее
неслитное и тѣмъ самимъ ведущее къ пантезму
(всебожію); то мѣрность наша со священійшими и
честійшими митрополитами, воалюбленными намъ,
во Св. Духѣ, братями и сослужителями, весьма во-
змутивши не только появленіемъ, но и настойчивымъ

доселѣ распространеніемъ нечестиваго и лушевред-
наго этого ученія въ честномъ вашемъ мѣстѣ, при-
знали закономъ и неотложнымъ дѣломъ обратить тща-
тельное вниманіе и снова разсмотрѣть это, послѣ
бывшаго уже осужденія приснопамятнымъ предше-
ственникомъ нашимъ Святѣйшимъ Патріархомъ Кири-
лоакимомъ, совмѣстно съ Святѣйшимъ Синодомъ.

И для болѣе полнаго знакомства съ подробні-
стями этого заблужденія, возложивши изученіе и из-
слѣдованіе происхожденія и основаніе его на настав-
никовъ нашей Богословской въ Халки Школы, по
представленіи ими основательнаго подробнаго изложенія
(копія которого прилагается здѣсь), приступили
къ синодальному разсмотрѣнію, на которомъ едино-
душно осудили сказанное новоявленное ученіе объ
имени „Іисусъ“, какъ бы Сущемъ Самомъ Іисусъ и
Богъ, существенно содержащемъ въ Его имени, и
объявляемъ въ Св. Духѣ (сіе ученіе), какъ хульное
и еретическое.

Посему, сообщая синодальный судъ и осужденіе
этого заблужденія настоящимъ нашимъ патріаршимъ
посланіемъ вашему преподобію, повелѣваемъ, чтобы
вы объявили это церковное рѣшеніе священному мо-
настырю Св. Павла Емона и священному Ватопед-
скому скиту, св. Андрея и всѣмъ, где бы то ни было
тамъ, заблуждающимъ монахамъ; потребуйте же отъ
имени насъ и Церкви, чтобы вѣтъ, совершенно отверг-
нувъ хульное заблужденіе, уклонялись бы отсель
тищательно отъ разныхъ чуждыхъ ученій и пребывали
вѣрно только въ преданныхъ догматахъ и въ препо-
даваемомъ ученіи Церкви, сверхъ котораго и помимо
котораго никто не долженъ новшествовать. „Аще бо
кто вамъ благоспѣститъ паче, еже пріясте, ана-
вема да будетъ“.

Извѣщая же о томъ,—что, если и послѣ этого
второго церковнаго внушенія найдется кто-либо оста-
в

щимся въ этомъ злословномъ мѣніи и самовольно продолжающимъ держаться этого неосновательного ученія обѣ имени „Иисусъ“, какъ Сущемъ Самомъ Богъ, относительно таковыхъ, какъ еретиковъ и нарушителей церковнаго повиновенія, приняты будуть опредѣленныя церковными канонами мѣры, и что отнюдь невозможно, чтобы оставались таковые и пятнамъ своимъ порочили честное ваше мѣсто,—молимся, да просвѣтить Господь Богъ всѣхъ на пути благочестія и добродѣтели, Его же благодать и неисчерпная милость да будетъ съ вашимъ преподобіемъ.

[Апрѣля 5-го—1913 г.]

Патріархъ Константинопольскій, теплѣйший къ Богу о васъ молитвеникъ.

Р. С. Откликъ на эти статьи см. въ отдѣлѣ „Письма и замѣтки“.

Откликъ мірянина на Посланіе Свят. Синода.

ВВѢДЕНИЕ.

Въ № 20 с. г. „Церковныхъ Вѣдомостей“ опубликовано Посланіе „Святѣшаго Правительствующаго Всероссійскаго Синода“ „всечестнымъ братіямъ, во иночествѣ подвизающимся“, посвященное вопросу о почитаніи Имени Божія.

Итакъ, Посланіе предназначено не для бѣлаго духовенства и тѣмъ болѣе не для мірянъ. Что касается послѣднихъ, то архіепископъ Никонъ въ „Колоколѣ“ отъ 29 іюля, въ статьѣ „Мои вины предъ кагаломъ“ прямо заявляетъ: „какое дѣло мірянамъ судить о томъ, что имъ вовсе непонятно, да и едва ли интересуетъ?“ Однако, это едва ли справедливо.

Когда начался на Аeonѣ споръ о Имени Божіемъ и оттуда, благодаря полемикѣ „Русскаго Ипока“, перенесся въ чѣкоторые русскіе монастыри, почти всѣ члены Святѣшаго Синода оставались безучастными къ этому вопросу. Между тѣмъ они привлекъ къ себѣ вниманіе цѣлой группы мірянъ, которые съ живымъ религіознымъ интересомъ отнеслись къ „новоизведенному ученію“. Они знакомились съ сочиненіями, которыхъ могли пролить свѣтъ на сложный и глубокій вопросъ, поднятый аеонитами. Они собирались вмѣстѣ, бесѣдовали, спорили, волновались... Въ это время въ Святѣшемъ Синодѣ царила мертвая тишина, и только усилившійся гуль аеонской распри нарушилъ въ дан-

номъ случаѣ сладкую дремоту синодальныхъ архи-
пастырей. Впрочемъ, и пробудившись, они никакъ
не заинтересовались этимъ вопросомъ, и первая мысль
ихъ была отмахнуться отъ него, какъ отъ назойливой
мухи. Когда о. Антоній (Булатовичъ) съ открытымъ
забраломъ явился въ Петербургъ, его не только не
пожелали выслушать синодальные епископы, но—и пред-
ставитель оберъ-прокуратуры, и наиболѣе видный членъ
Святѣшаго Синода прежде всего попытались устра-
нить изъ Россіи незванаго гостя, придавшись къ какому-то
изъянну въ его паспортѣ. И только потомъ,
по причинамъ, о коихъ считаемъ неудобнымъ говорить,
„стражи Израилевы“ вынуждены были заняться столь
неинтереснымъ для нихъ вопросомъ. Едва ли высокопреосвященный Никонъ рѣшился оспаривать высказан-
ное адѣсь. Вѣдь и самъ онъ вынужденъ былъ къ
разсмотрѣнію этого вопроса и, кстати сказать, не безъ
участія мірянъ составилъ свой докладъ.

Но, кромѣ чисто-религіознаго интереса, споръ, воз-
бужденный на Аѳонѣ и, не безъ вліянія безтактныхъ
выступлений „Русскаго Ионка“, перешедшій въ „брато-
убийственную“ распри, пріобрѣтаетъ и особое общес-
твенное и церковное значеніе по своимъ практическимъ
послѣдствіямъ. Неудачная миссионерская поѣздка
архіепископа Никона на Аѳонѣ закончилась, какъ
извѣстно, обливаніемъ „имеславцевъ“ водою изъ по-
жарныхъ трубъ и избиеніемъ ихъ ружейными прикладами. Картина этого побоища, кстати сказать, архі-
епископъ Никонъ наблюдалъ въ подзорную трубу съ
военнаго русскаго судна. Сотни иконъ вооруженною
силою выдворены съ Аѳона и доставлены въ Россію.
Съ другой стороны, развязныя статьи „Колокола“ уже
квалифицировали „имеславское“ движение, какъ полити-
чески-неблагонадежное. „Имеславцы“ будто бы готовы
были обратить Аѳонъ въ очагъ революціонной и анар-
хической пропаганды.

Наконецъ, въ синодальномъ Посланіи говорится,
что возвѣщаемое въ немъ возвѣщается, какъ голосъ
Матери-Церкви. Слѣдовательно, Посланіе имѣть зна-
ченіе всеобщее и относится не только къ „братіямъ,
во иночествѣ подвизающимся“, но и ко всѣмъ чле-
намъ Православной Христовой Церкви. Въ виду всего
изложенного мудрено пройти равнодушно мимо этого
акта Святѣшаго Синода и рядовому мірянину. И если
этотъ актъ вызываетъ въ немъ какія-нибудь недо-
умѣнія, то не въ правѣ ли онъ, даже болѣе того, не
обязанъ ли онъ—выказать ихъ предъ лицомъ право-
славнаго русскаго общества? А недоумѣнія эти вызы-
ваются, какъ отдѣльными, частными мыслями Посла-
нія, такъ и основными его положеніями. Мы надѣемся,
что лица болѣе авторитетныя, чѣмъ мы, какъ въ ду-
ховномъ, такъ и въ научно-богословскомъ отношеніяхъ,
глубже вникнутъ въ содержаніе синодального Посла-
нія и скажутъ болѣе вѣсокое слово объ этомъ церковно-
историческомъ документѣ. Мы же, съ своей стороны,
попытаемся отмѣтить лишь немногія мѣста, порождаю-
щія недоумѣнія, причемъ не будемъ входить въ по-
дробное разсмотрѣніе ихъ, а ограничимся только крат-
кими сопоставленіями.

ГЛАВА I.

1) „Молитва Иисусова“,—читаемъ въ Посланиі, осуждающемъ ложное мудрованіе „имеславцевъ“.—„будто бы спасительна потому, что самое Имя Иисусъ спасительно“. Эта мысль отмечается Святѣйшимъ Синодомъ, какъ ложная, приводящая, по его словамъ, къ „ужаснымъ выводамъ“. А между тѣмъ,

а) въ великопостной молитвѣ читаемъ: „Иисусе,—спасителюше Имя, помилуй мя“ (Пар. 6-го часа, въ пятокъ 4-й седмицы). Вѣдь эти подлинныя слова церковной молитвы и осуждаетъ Послание. Но, можетъ быть, ихъ нельзя понимать въ прямомъ смыслѣ, а нужно видѣть въ нихъ или поэтическій образъ, или просто поясненіе имени „Иисусъ“?

б) Но за прямой смыслъ подобнаго выраженія говорить такой авторитетный въ духовномъ отношеніи писатель-подвижникъ, какъ еп. Игнатій (Брянчаниновъ): „Вся сила и все дѣйствіе молитвы Иисусовой истекаетъ изъ поклоняемаго и всемогущаго Имени—Иисусъ“ (Аскет. опыты, т. II, стр. 310—311; изд. 3, Спб. 1905 г.). „Имя Господа Иисуса Христа содержитъ въ себѣ особенную Божественную силу“ (тамъ же, стр. 193).

в) Наконецъ, подтвержденіе и разъясненіе этой мысли мы находимъ у постояннаго члена Святѣйшаго Синода архіепископа Никона. Въ „Троицкомъ Словѣ“ за 1911 г., журналѣ, издаваемомъ и редактируемомъ архіеп. Никономъ, печаталась рукопись подъ загла-

зіемъ: „Изъ разсказовъ странника о благодатномъ дѣйствіи молитвы Иисусовой“. Затѣмъ отдѣльные оттиски этихъ разсказовъ вышли въ качествѣ „изданія Оптиной пустыни“, съ цензуриаго разрѣшенія и съ весьма одобрительнымъ предисловіемъ архіепископа Никона, тогда епископа Вологодскаго. На стр. 46-й этой книжки мы читаемъ: „Имя Иисуса Христа, призывающее въ молитвѣ, содѣржитъ въ себѣ самосущую и самодѣйствующую благотворную силу“.

2) „Ужасный выводъ“, вытекающій, по мнѣнію Синода, изъ первого пункта, состоитъ въ томъ, что „и несознательное повтореніе Имени Божія—дѣйствительно“. „Но это,—по словамъ Синода,—противорѣчить прямымъ словамъ Господа: „Не всякий, глаголяй Ми: Господи, Господи“ и пр..—Раскроемъ это „и пр.“ или, проще говоря, продолжимъ такъ некрасиво,—чтобы не сказать—неблагоговѣнно,—оборванный въ Посланиі евангельскій текстъ. „Не всякий, говорящій Ми: Господи! Господи! войдетъ въ царство небесное, но исполняющій волю Отца Моего небеснаго. Многіе скажутъ Ми въ тотъ день: Господи! Господи! не отъ Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоимъ ли именемъ бѣсовъ изгоняли? и не Твоимъ ли именемъ многія чудеса творили? И тогда объявию имъ: Я никогда не зналъ васъ; отойдите отъ Меня, дѣлающіе беззаконіе“.

Итакъ, что же? Чтобы призваніе Имени Божія было спасительнымъ, требуется отъ призывающихъ его исполненіе воли Божіей, но дѣйственность его вообще не ограничена этимъ условіемъ, какъ видно изъ приведеннаго цами текста. Имя Божіе творило чудеса, исходя изъ устья беззаконниковъ, о которыхъ Господь скажетъ: „Я никогда не зналъ васъ“. „Никогда“—значить—и въ періодъ чудотвореній. Эту мысль высказываетъ блж. Феофилактъ: „Въ началь проповѣди многіе изгоняли бѣсовъ, хотя были между ними и недостойные, и демоны обращались въ бѣг-

ство собственно отъ Имени Іисуса" (Благовѣст. Толк. на Еванг. Мѣ., ч. I, стр. 122, изд. 2-е, Казань, 1875 г.).

3) „Главное же,— продолжаетъ Послание,— допускать... что Богъ нераздѣльно присущъ Своему Имени, значитъ, въ концѣ концовъ, ставить Бога въ какую-то зависимость отъ человѣка, даже болѣе: признавать прямо Его находящимся какъ бы въ распоряженіи человѣка. Стоитъ только человѣку (хотя бы и безъ вѣры, хотя бы безсознательно) произнести Имя Божіе, и Богъ какъ бы вынужденъ быть Свою благодатию съ этимъ человѣкомъ и творить свойственное Ему. Но это уже богохульство! Это есть магическое суевіе, которое давно осуждено Св. Церковью".

Вѣдь если, по выражению Синода, „Богъ какъ бы вынужденъ быть Свою благодатию съ этимъ человѣкомъ и творить свойственное Ему", то это не значитъ, что дѣйствие это непремѣнно будетъ благодатно-милующее, оно можетъ быть и карающимъ; ибо „свойственно" Богу не только миловать, но и карать. Блаж. Феодоритъ пишетъ: „свято и страшно Имя Его. Для вѣрующихъ оно свято, превоздѣльно и источаетъ обилие благъ, а невѣрующихъ и живущихъ беззаконно мучитъ и наказуетъ" (стр. 265, ч. III, изд. 1856 г.).

Святѣйший Синодъ называетъ магическимъ суевіемъ и богохульствомъ то, что совершаются постоянно, на нашихъ глазахъ, въ Церкви. Каждый іерей воленъ совершать страшное таинство св. Евхаристіи, и каждый православный мірянинъ воленъ приступить къ этому таинству, т.-е., говоря языкомъ Послания, „ставить Бога въ зависимость отъ себя". Только зависимость-то эта двоякая: св. таинство, пріемлемое достойно, „попадаетъ терпѣ прегрѣшений" и даетъ жизнь вѣчную, а пріемлемое недостойно приносить, по словамъ: ап. Павла— болѣзнь, а иногда и смерть,— св. Василія Великаго— судь и осу-

жденіе,— св. Іоанна Дамаскина— тяжесть, муку и приложеніе грѣховъ.

Относительно послѣдняго удостовѣряеть насъ Церковь въ таинствѣ покаянія: скрытіе грѣха на исповѣди усугубляетъ оный,— „аще ли что скрыши отъ мене,— внушишь кающемуся духовникъ,— сугубъ грѣхъ имѣти будешъ".

Слѣдуетъ при этомъ помнить, что несомнѣнная и, такъ сказать, обязательная дѣйственность таинства (положительная или отрицательная) далеко не всегда сказывается тотчасъ же въ ощущеніи и сознаніи пріемлющаго оное. То же mutatis mutandis должно сказать и объ Имени Божіемъ.

Эта аналогія съ таинствами должна пояснить и значение призыва Имени Божія¹⁾.

4) Наконецъ, въ ученіи о нераздѣльности Бога съ Его Именемъ Свят. Синодъ видѣтъ опасность „для самаго подвижничества, для самого «умнаго дѣланія»".

При такомъ воззрѣніи на Имя Божіе, по мнѣнію Синода, „на первое мѣсто въ умномъ дѣланіи выдвигается уже не призваніе Господа, не возношеніе къ Нему нашего сердца и ума, а скорѣе самое повтореніе словъ молитвы, механическое вращеніе ея въ умѣ или на языкѣ". „Иной же неопытный подвижникъ и совсѣмъ позабудетъ,— (продолжаетъ Синодъ),— что эта молитва есть обращеніе къ Кому-то, будетъ довольствоваться одной механикой повторенія, и будетъ ждать отъ такого мертваго повторенія тѣхъ плодовъ, какіе даетъ только истинная молитва Іисусова; не получая же ихъ, или впадетъ въ уныніе, или начнетъ ихъ искусственно воспроизводить въ себѣ и принимать это самодѣльное раагоряченіе за дѣйствие благодати, другими словами, впадетъ въ прелестъ" (стр. 280).

¹⁾ Считаемъ нужнымъ замѣтить, что здесь мы неходимъ въ разсмотрѣніе вопроса о томъ, какъ можно присутствовать Господу въ Своемъ Имени.

Итакъ, вѣра въ неразъединимость Имени Божія съ Богомъ приводить, по словамъ Посланія, къ механичности въ молитвѣ, а неопытнымъ подвижникамъ угрожаетъ прелестью. Такъ говорить Посланіе на стр. 280-й. А вотъ что читаемъ въ немъ же на стр. 282-й:

„Вчитавшись въ слова о. Іоанна, всякий можетъ убѣдиться, что о. Іоаннъ говорить только (?) о томъ, свойственномъ нашему сознанію явленіи, что мы при молитвѣ, при произношеніи Имени Божія въ сердцѣ, въ частности, при молитвѣ Іисусовой не отдѣляемъ въ своемъ сознаніи Его Самого отъ произносимаго Имени, Имя и Самъ Богъ въ молитвѣ для насъ тождественны. О. Іоаннъ совѣтуетъ и не отдѣлять ихъ, не стараться при молитвѣ представлять Бога отдѣльно отъ Имени и виѣ его¹⁾). И этой совѣтъ для молитвенника вполнѣ необходимъ и понятенъ: если мы, такъ сказать, заключимъ Бога въ Имя Его, нами, устно или только мысленно, въ сердцѣ произносимое, мы освободимся отъ опасности придавать Богу, при обращеніи къ Нему, какой-нибудь чувственный образъ, отъ чего предостерегаютъ всѣ законоположители цервідимой браны, (—ибо, добавимъ мы отъ себя, дѣйствие вообразительной способности при молитвѣ грозитъ прелестю молитвеннику—). Имя Божіе во время молитвы для насъ и должно какъ бы сливаться, отождествляться съ Богомъ до пера兹дѣльности“ (стр. 282).

Итакъ, какое же мнѣніе Святѣшаго Синода есть подлинное его мнѣніе? Гдѣ грозить опасность дѣлателью молитвы Іисусовой: на пути ли отождествленія Имени съ Именуемымъ, или, наоборотъ, при разъединеніи?

Что касается вопроса о механичности въ молитвѣ, то, не вызывая великихъ именъ святоотеческихъ,

¹⁾ Ниже мы останавливаемся на этомъ истолкованіи Святѣшаго Синода о „имѣславіи“ выражений о. Іоанна. См. стр. 77—78.

обратимся къ той же статьѣ, усердно рекомендованной архиеп. Никономъ. Вотъ что мы находимъ въ ней: „Хотя многие ложно-просвѣщенные и почитаютъ бесполезнымъ и даже мелочнымъ устное и частое твореніе одной и той же молитвы, называя оное машинальнымъ и бесмысленнымъ занятіемъ простыхъ людей; но, къ несчастью, они не знаютъ той тайны, которая впослѣдствіи открывается симъ машинальнымъ упражненіемъ“... (стр. 52). „Напрасно вообразяютъ, что, частотою перебивши языкъ и соскучивъ сухою непонятливостью, должно будетъ вовсе оставить сіе бесполезное наружное молитвенное упражненіе“... „Опять показываетъ здѣсь совсѣмъ противное: тѣмъ дальше и болѣе въ семъ упражняется (человѣкъ), тѣмъ нечувствительнѣе роднится съ симъ занятіемъ, такъ что впослѣдствіи уста и языкъ его получаютъ такую самодвижность, что уже безъ помощи усилия, сами собою неудержимо движатся и безъ гласа изрекаютъ молитву. А вмѣстѣ съ симъ такъ настраивается механизмъ гортанныхъ мускуловъ, что молящейся начинаетъ чувствовать, что твореніе молитвы составляетъ всегдашнюю существенную его принадлежность, и даже при каждомъ оставлѣніи ея онъ ощущаетъ, какъ чего-то въ немъ не достаетъ; а сіе-то и бываетъ основаніемъ тому, что и умъ самъ собою начинаетъ склоняться и прислушиваться къ сему непроизвольному дѣйствію усть, будучи возбуждаемъ симъ ко вниманію, которое и бываетъ, наконецъ, источникомъ сладости сердечной и истинной молитвы“ (стр. 52—53). „Молись, хоть какъ нибудь, токмо всегда, и не смущайся ничѣмъ“ (стр. 55). „Сила Имени Божія и частота призываія оного явить плодъ свої во время свое“ (стр. 46).

Съ другой стороны, мы считаемъ нужнымъ указать, что обвиненіе „имѣславія“, будто оно приводить къ механическому повторенію Имени Божія, основано едва ли не на недоразумѣніи.

Наобороть, именно правильно понятое учение „именем Божиимъ“ объ Имени Божиимъ даёт съ особой силой уразумѣть, что молитва есть какъ бы иное таинство, въ которомъ соприсутствуетъ и соучаствуетъ Самъ Богъ, что небреженіе, разсѣянность, тѣмъ болѣе умышленно-механическое чтеніе молитвъ непосредственно оскорбляетъ святыню призываемаго нами Имени Божия (а не есть только простое сотрясеніе воздуха). Страхъ и благоговѣній трепетъ должны наполнять душу, приступающую къ молитвѣ съ такими чувствами. Говоря это, мы имѣемъ въ виду живыхъ авторитетныхъ свидѣтелей, опытно-изг҃давшихъ сказанное нами.

5) На страницѣ 280-й Послание касается вопроса о связи учения о Имени Божиимъ съ знаменитыми паламитскими спорами, имѣвшими мѣсто въ греческой церкви въ XIV вѣкѣ. Находя, что „послѣдователи“ о. Иларіона ложно связываютъ свое учение о Имени Божиимъ съ учениемъ св. Григорія Паламы о энергіи Божией. Святѣйший Синодъ останавливается на понятияхъ *Θεός* и *Θεότης* и, анализируя ихъ, пытается доказать невозможность замѣны одного понятия другимъ.

Между тѣмъ въ извѣстномъ словарѣ греческаго языка Скарлата Византія, на страницѣ 600-й слово *Θεός*, *ὁ Θεός* объясняется чрезъ синонимъ *ἡ Θεότης*, а ниже, на той же страницѣ, слово *Θεότης* объясняется словами *ἡ ὁδοία τοῦ Θεοῦ*, *ὁ Θεός*. Итакъ слова *ὁ Θεός*, *ἡ Θεότης* и *ἡ ὁδοία τοῦ Θεοῦ* синонимичны.

Въ качествѣ примѣра, подтверждающаго эту словарную справку, приведемъ одно мѣсто изъ блаж. Феофилакта Болгарскаго: „*οὐκ εἴπεν ὁ Χριστὸς εἰς τὰ δυόματα βαπτίζειν, ἀλλ’ εἰς τὸ δυορά δύορα δὲ τῶν τριῶν ἐν, ἡ Θεότης εἰς σὺν Θεός τὰ τρία. Ι. δαλὴ:... τριῶν μᾶλλον προσώπων ἐν δυορα ἔχοντων, τὸ Θεός*“ (*Evangelio in Evangelium Matthei*, cap. XXVIII).—То же у св. Максима исповѣдника: „*Εἰς Θεός, ὅτι μήτ Θεότης*“

(„*Κεφάλαια διάφορα θεολογικά τε καὶ δικαιομάτα καὶ περὶ ἀρετῆς καὶ κακίας*“, 5).—Діонисій Ареопагитъ на протяженіи всего трактата „*De divinis nominibus*“ (*Patrologia, Migne, scriptores graeci*, т. III) безразлично употребляеть *Θεός* и *Θεότης*, какъ синонимы.

Желая, повидимому, приблизить этотъ вопросъ къ пониманію тѣхъ читателей Послания, которые не знаютъ греческаго языка, Свят. Синодъ демонстрируеть свою мысль на русскихъ словахъ „Богъ“ и „Божество“. „Различие между этими названіями“, говоритъ Свят. Синодъ, „легко видѣть изъ такого примѣра. Говорится: «Христосъ па Θаворѣ явилъ Свое Божество», но никто не скажетъ: «Христосъ па Θаворѣ явилъ Своего Бога»: это было бы или безмыслица, или хула. Слово «Богъ» указываетъ на Личность, «Божество» же на свойство, качество, на природу“.

Едва ли можно согласиться съ этимъ сужденіемъ Свят. Синода. Слово „Божество“ имѣть вовсе не тѣ только значенія, которые приписываются ему Свят. Синодъ: оно обозначаетъ и личнаго Бога. Мы съ одинаковымъ правомъ и въ одинаковомъ смыслѣ можемъ говорить: римскіе боги и римскія божества, Юпитеръ—римскій богъ и Юпитеръ—римское божество.

Отражая отъ себя обвиненіе въ троебожіи со стороны говорившихъ: „Если Богъ, Богъ и Богъ, то какъ же не три Бога? И славимое тобою не есть ли многоначалие?“—св. Григорій Богословъ отвѣчаетъ: „У насъ одинъ Богъ, потому что Божество одно... Когда имѣемъ въ мысли Божество, первую причину и единоначалие, тогда представляемое нами—одно. А когда имѣемъ въ мысли Тѣхъ, въ Которыхъ Божество, Сущихъ отъ первой Причины, и Сущихъ отъ Ней до-временно и равночестно, тогда Поклоняемыхъ—три“ (Твор. св. Григорія Богослова, ч. III, стр. 94).

И па примѣрѣ, который приводить Свят. Синодъ,

можно видѣть это. Въ самомъ дѣлѣ, мы можемъ сказать: „Христосъ на Фаворѣ явился, явилъ Себя—Богомъ“; но можемъ сказать и: „Христосъ явилъ Себя Божествомъ“.

6) Не менѣе сомнѣній вызываетъ Посланіе своимъ толкованіемъ словъ Симеона Нового Богослова, на стр. 282-й: „слова человѣческія—текучи и пусты, слово же Божіе—живо и дѣйственное“. Не касаясь вопроса о правильности или неправильности истолкованія этой мысли авторомъ „Апологіи“ (въ которой, кстати сказать, париду съ глубокими мыслями нерѣдко встрѣчаются болѣшія натяжки и невѣрности, присутствія коихъ не отрицаютъ въ своемъ трудѣ самъ авторъ), мы остановимся на пониманіи этого мѣста Свят. Синодомъ.

Толкуя выраженіе: „слово Божіе—живо и дѣйственное“, Свят. Синодъ категорически заявляетъ: „здесь рѣчь или о творческомъ словѣ Божіемъ (напр., „да будетъ свѣтъ, и бысть свѣтъ“, и т. под.), или же о предвѣчномъ рожденіи Сына Божія—Бога-Слова“.

„Почему же непремѣнно такъ? Почему подъ „словомъ Божіимъ“ нельзя разумѣть здѣсь слово Божіе написанное, Священное Писаніе? Въ самомъ дѣлѣ:

1) Открываемъ „Библейскій богословскій словарь“ прот. В. Михайловскаго (4-е изд.). На стр. 336-й читаемъ, что „слово Божіе, или Священное Писаніе, описано какъ живое и дѣйственное“. При этомъ сдѣлана ссылка на Евр. 4, 12, откуда заимствовано это выраженіе и преп. Симеономъ Нов. Богословомъ¹⁾). Весь стихъ читается такъ: „слово Божіе живо и дѣйственное и острѣе всякаго меча обоядустраго; оно проникаетъ до раздѣленія души и духа, составовъ и мозговъ, и судить помышленія и намѣренія сердечныя“.

¹⁾ Если бы преп. Симеонъ и придавалъ этому тексту какой-либо особый смыслъ, наши постѣдующія соображенія не утрачиваютъ своего значенія.

2) Раскрываемъ затѣмъ толкованіе на Евангеліе отъ Матея, принадлежащее перу члена Свят. Синода архіеп. Никона. Въ главѣ „Предъ чтеніемъ святаго Евангелія“ мы находимъ слѣдующую прекрасную характеристику слова Божія, т.-е. Священнаго Писанія: „Слово Божіе,—читаемъ у высокоопреосвященнаго Никона,—само говорить о себѣ, что оно есть мечъ духовный, острѣйшій всякаго меча, проникающій до раздѣленія души и духа, что оно судить помышленія и чувства сердечныя (Еф. 6, 17; Евр. 4, 12),—что оно есть молотъ, разбивающій наши каменные сердца (Іерем. 23, 29); оно есть огонь, который пожигаетъ въ насъ нечистоту грѣховную и согреваетъ наши сердца; оно есть скотильникъ, сіѧющій въ темномъ мѣстѣ“ (2 Петр., 1, 19); оно есть благодатное сѣмя, дающее въ сердцѣ нашемъ плодъ въ тридцать и шестьдесятъ и во сто кратъ (Мр. 4, 20); оно есть слово жизни (Филип. 2, 26), слово животворящее, дающее намъ вѣчную жизнь“.

Продолжая, спустя нѣсколько строкъ, характеристику слова Божія, высокоопреосвященный авторъ замѣчаетъ: „оно есть творческое слово Всемогущаго Бога, Который единимъ словомъ весь міръ создаль изъ ничего, Который и ныне творитъ чудеса тѣмъ же всесильнымъ словомъ Своимъ, въ Св. Писаніи запечатленнымъ“.

Итакъ, архіеп. Никонъ подъ словомъ Божіимъ тѣмъ указанномъ нами мѣстѣ Посланія къ Евреямъ (4, 12) разумѣеть написанное слово Божіе, Св. Писаніе. Прекрасно охарактеризовалъ его, какъ мы видѣли, словами пророческими и апостольскими, опѣ уже отъ себя, не обищуясь, именуетъ его „словомъ творческимъ“, творящимъ чудеса, не отдавляя его отъ зиждительного Слова, коимъ сътворенъ міръ. Обращаемъ вниманіе читателя на то, какимъ, въ самомъ дѣлѣ, живымъ и дѣйственнымъ, какой силой

Божієй, доношній зиждущий, являється Свящ. Писаніє въ характеристицѣ архіеп. Никона.

И не позволительно ли послѣ этого прійти въ иѣкоторое недоумѣніе при чтеніи того мѣста Посланія, гдѣ Свят. Синодъ называетъ это „творческое“, „чудо-творящее“ слово Божіє не energіей Божієй, а „только плодомъ Божієй energії, плодомъ ея дѣйствія въ тварюмъ мірѣ“ (стр. 281)? Этому „действическому“ мудрованію релігіозное сознаніе невольно противопоставляетъ таинственные, но льющія обильный духовный свѣтъ и свидѣтельствующія о живомъ ощущеніи Бога въ „Книгѣ жизни“ мысли преп. Макарія Великаго и о. Іоанна Кронштадтскаго. „Слово Божіє есть Богъ, а слово міра есть міръ“... поучаетъ нась преп. Макарій (Сл. 46-е, стр. 293). „Я читаю Евангеліе: тутъ не я говорю, а Самъ Господь; Онъ, Онъ Самъ въ этихъ словахъ“, свидѣтельствуетъ о. Іоаннъ („Моя жизнь во Христѣ“, т. V, стр. 351, изд. 2-е, 1894 г.).

На смѣну архіеп. Никону выступаетъ архіеп. Антоній волынскій въ своей статьѣ „Ученіе Божественнаго Откровенія о спасительномъ значеніи слова Божія“ (Казань, 1900 г., т. II), гдѣ онъ также относитъ слова Ап. Павла о „словѣ Божіемъ живомъ и дѣйственномъ“ къ Священному Писанію. „Мы уже слышали,—читаемъ мы у архіеп. Антонія,—что слово Божіе проникаетъ до раздѣленія души и духа: оно также раздѣляетъ и самихъ людей душевныхъ отъ духовныхъ“ (стр. 113)... „Третье дѣйствіе слова—это его вѣчный и всегда присущій судъ надъ міромъ, какъ сказано: нынѣ судъ есть міру сему. (Іоан. XII, 31)... Но почему слову, или ученію Божію, дана такая высшая сила? Откуда у него сіе царственное право надъ жизнью во вѣки? Почему оно является судьею вселенной? Поэтому, что привявшіе слово, привяли Того, Кто прінесъ сіе слово на землю... Вотъ съ Кемъ соединяетъ насъ усвоеніе слова Божія: съ самимъ предвѣчнымъ

и неизмѣннымъ Словомъ, отъ вѣка царствующимъ надъ мірами“... (114—115).

А вотъ и третій епископъ приходитъ къ намъ на помощь для уясненія данного вопроса.

Въ толкованіи известнаго епископа Михаила на 1-е посланіе Ап. Петра мы находимъ слѣдующее разъясненіе мысли, аналогичной той, которую мы разсматривали въ посланіи къ Евреямъ. „Постоянно любите другъ друга отъ чистаго сердца, какъ возрожденные не отъ тѣлънаго сѣмени, но отъ нетѣлънаго, отъ слова Божія, живаго и пребывающаго во вѣкѣ“,—такъ гласяще 22-й и 23-й стихи посланія Ап. Петра. Къ послѣднимъ словамъ еп. Михаилъ указываетъ въ качестве параллельного мѣста—Епр. 4, 12, и такъ истолковываетъ эти слова: „Отъ слова Божія“ (точнѣе—чрезъ слово Божіе): средство, которымъ Духъ Святый пользуется для духовнаго возрожденія, есть слово Божіе, или слово истины, или Евангеліе, чрезъ вѣру въ которое происходитъ призваніе человѣка къ этому возрожденію, или къ новой жизни во Христѣ. Это слово есть живое и пребывающее во вѣкѣ, по его природѣ и дѣйствіямъ на человѣка; оно живое (ср. Епр. 4, 12), потому что въ немъ есть сила Божія, а сила Божія имѣть въ себѣ самой жизни (ср. Дѣян. 7, 38) и потому можетъ возрождать; оно есть пребывающее во вѣкѣ, потому что, какъ Божіе, оно непреложно, и, какъ имѣющее въ себѣ силу Божію, не можетъ престать дѣйствовать никогда“ (ср. ст. 25). Въ примѣчаніи къ 25-му стиху: „слово Господне пребываетъ во вѣкѣ, а это есть то слово, которое вамъ проповѣдано“,—еп. Михаилъ говоритъ: „слово Господне, чрезъ посредство котораго возрождаются призванные къ Христу, пребываетъ во вѣкѣ: вѣчно живеть, вѣчно сильно и дѣйственно... А это вѣчно живое и оживляющее слово,—дѣлаетъ примѣненіе Апостоль,—и есть то слово, которое проповѣдано вамъ“.

Мы ограничимся приведенными, достаточно авторитетными, толкованиями занимающего наше место Св. Писания, и заключимъ ихъ нѣсколькими словами четвертаго православнаго епископа:

„Апостоль называетъ его (Слово Божіе) живымъ, какъ животворное слово Живого Бога—Творца, отъ Котораго оно никогда не отдалъмо, хотя бы оно было сказано давно“ (Еп. Никаноръ „Экзегетико-критическое исследование посланія св. апостола Павла къ Евреямъ“. Казань, 1904 г.).

Почему мы сть такимъ вниманіемъ остановились на толкованіи словъ, не имѣющихъ, повидимому, прямого и большого значенія для вопроса о Имени Божіемъ?

Во-первыхъ, потому, что отношение къ Слову Божію опредѣляетъ собою и отношение къ Имени Божію, ибо Слово Божіе, въ извѣстномъ смыслѣ, есть полное Имя Божіе. И какъ къ Слову Божію возможно отношение плотское и духовное, точно такъ же и къ Имени Божію. И что можно сказать о познаніи Слова Божія, то же слѣдуетъ сказать и о познаніи Имени Божія.

„Когда Господь былъ на землѣ пресвятою плотью,— многіе видѣли Его и, вмѣстѣ, не видѣли. Что пользы, когда человѣкъ смотрить тѣлесными очами, общими у него съ животными, а ничего не видѣть очами души—умомъ и сердцемъ? И нынѣ многіе ежедневно читаютъ Евангелие, и вмѣстѣ никогда не читали его, вовсе не знаютъ его“.

Такъ характеризуетъ приснопамятный русскій по-движникъ, епископъ Игнатій Брянчаниновъ, плотское отношение къ Слову Божію—и продолжаетъ:

„Евангелие,—сказать нѣкоторый преподобный пустынножитель,—умомъ чистымъ читается, понимается по мѣрѣ исполненія заповѣдей его самимъ дѣломъ. Но точного и совершенного раскрытия Евангелия невозможно стяжать въ себѣ собственными усилиями: это—даръ Христовъ“.

Здѣсь указанъ путь духовнаго разумѣнія Слова Божія, разумѣнія, имѣющаго свои степени, коими опредѣляется отношеніе человѣка къ Священному Писанию.

Конечно, это духовное разумѣніе нельзя *согнѣ* навязать плотскому уму, не могущему разумѣть того, что духовно и чѣ, поэтому, „востязуется“ только человѣкомъ духовными. Но непозволительно устраивать прокрустово ложе и для разумѣнія духовнаго, отметая его и узаконяя для всеобщаго, такъ сказать, употребленія мудрованія плотского ума.

„Расчленять, анатомировать, разстригать на строчки“ Св. Писаніе можетъ и плотской умъ (тому живой примеръ вся нѣмецкая наука, занимающаяся изслѣдованіемъ библейскаго текста), по этой методѣ не есть методъ Церкви. Это—не путь къ духовному вѣданію тайнъ Писанія, куда возводить наше Отцы Церкви, не путь, по которому долженъ восходить душевный человѣкъ, руководясь, пока у него не отверались духовныя очи, опытомъ Отцовъ и довѣряясь ихъ, на духовномъ опытѣ основанному, ученію, принимая послѣднее сначала по „вѣрѣ слуха“, пока не открылась въ немъ „вѣра, обличающая невидимое“.

Все это, *mutatis mutandis*, приложимо и къ Имени Божію.

Во-вторыхъ, вотъ почему. Богословы Халкинскай школы, а за ними и нашъ Свят. Синодъ нашли, что въ „имеславіи“ ощущается „запахъ“ пантезизма, но съ этимъ едва-ли можно согласиться: какой же пантезмъ тамъ, где признается личный Богъ и молитва Ему? Очевидно, значитъ, заподозрѣнны въ пантезмѣ выраженія „имеславцевъ“ должны быть понимаемы иначе. Смысла ихъ не пантезистический, но анти-действіческій, а всякая теистическая мысль можетъ быть заподозрѣна въ пантезмѣ: вѣдь и въ псалмахъ Давида, этомъ строго-теистическомъ произведении религіознаго творчества,

иной можетъ ошибочно ощутить въ благоуханіи *вездѣ-сущія* Божія запахъ *всебожія*...

Но гораздо хуже, чымъ у „имеславцевъ“, обстоить дѣло, если говорить о „запахахъ“, у Свят. Синода, и особенно у авторовъ тѣхъ докладовъ, которые приложены къ Посланію. Здѣсь не только ность обоняетъ, но и умъ осознаетъ тотъ душевный позитивизмъ, который приводить къ тому, что нисколько не лучше пантенізма, но гораздо мертвѣе его—къ деизму и раціонализму. Основная тенденція докладовъ, служащихъ фундаментомъ къ Посланію: отодвинуть міръ Божественный въ недосыгаемую потустороннюю область. Страхъ передъ призракомъ пантенізма заставляетъ авторовъ Посланія и докладовъ разрывать связь горячо съ дольнимъ, мѣшаетъ имъ зреТЬ въ видимомъ не-видимое, „вѣчную силу Еgo и Божество“. Эта тенденція ярко сказалась и на данномъ примѣрѣ: нежелание (или неспособность) усмотреть въ *написанномъ* Словѣ Божіемъ вѣчно живое, вѣчно дѣйственное и вѣчно пребывающее творческое слово Живого Бога...

Нѣть, не къ гибельному пантенізму пролагаетъ путь правильно понятый принципъ „имеславія“. Опь ведеть „узкимъ путемъ“ *теистического* мудрованія, не давая уму человѣческому блуждать по распуттямъ противоположныхъ другъ другу и вмѣстѣ соблазнительныхъ пантенізма и деизма.

ГЛАВА II.

Послѣ бѣглого обсарѣнія первой части Посланія переходимъ къ заключительнымъ его тезисамъ, которые вызываютъ недоумѣнія и сами по себѣ, своею противорѣчивостью и веяностью съ одной стороны, и несогласіемъ съ писаніями свв. Отцовъ и выдающихся богослововъ русской Церкви—съ другой. Приводимъ полностю эти тезисы:

„Православное мудрованіе объ Именахъ Божіихъ таково:

1. Имя Божіе свято, и достопоклоняемо, и вожделѣнно, потому что оно служить для насть словеснымъ обозначеніемъ самого преножделѣннаго и святѣшаго Существа—Бога, Источника всякихъ благъ. Имя это божественно, потому что открыто намъ Богомъ, говорить намъ о Богѣ, возносить нашъ умъ къ Богу и пр. Въ молитвѣ (особенно Иисусовой) Имя Божіе и Самъ Богъ сознаются нами нераздѣльно, какъ бы отождествляются, даже не могутъ и не должны быть отдѣлены и противопоставлены одно другому; но это только въ молитвѣ и только для нашего сердца, въ богословствованіи же, какъ и на дѣлѣ, Имя Божіе есть только имя, а не Самъ Богъ и не Его свойство, название предмета, а не самъ предметъ, и потому не можетъ быть признано или наываемо ни Богомъ (что было бы безсмыслини и богохульно), ни Божествомъ, потому что оно не есть и энергія Божія.

2. Имя Божіе, когда произносится въ молитвѣ съ вѣрою, можетъ творить и чудеса, но не само собою,

не вслѣдствіе иѣкої навсегда какъ бы заключенной въ немъ или къ нему прикрѣпленной Божественной силы, которая бы дѣйствовала уже механически,—а такъ, что Господь, видя вѣру нашу (Мате. IX, 2) и въ силу Своего неложнаго обѣщанія, посыпаетъ Свою благодать и ею совершаеть чудо.

Въ частности, святые таинства совершаются не по вѣрѣ совершающаго, не по вѣрѣ пріемлющаго, но и не въ силу произнесенія или изображенія Имени Божія; а по молитвѣ и вѣрѣ св. Церкви, отъ лица которой они совершаются, и въ силу даннаго ей Господомъ обѣтованія.

Такова вѣра православная, вѣра отеческая и апостольская".

1.

Вотъ наши недоумѣнія по поводу первого тезиса:
а) „Имя Божіе свято и достопоклоняемо“ и въ то же время оно не Богъ и не Божество (не энергія Божія). Что же оно: тварь? Тогда какъ же оно „свято и достопоклоняемо“? Не „бесмысленно ли и не богохульно“ ли поклоняться твари?

Но изъ Посланія Святѣйшаго Синода не видно,—признаетъ ли онъ за Именемъ Божіимъ вообще *бытие*, хотя бы и тварное. Въ первомъ же докладѣ архиеп. Никона, легшемъ въ основу Посланія, Имя Божіе признается „условнымъ словомъ“: „реально—ни духовно, ни материально—имя само по себѣ не существуетъ. Это почти то же, что въ математикѣ—идеальная точка, линія, кругъ; въ географіи—экваторъ, меридіанъ и под. Таково значеніе имени для нашего мышленія, такова *его сущность** (стр. 854)... „Нѣть надобности дѣлать исключенія, когда рѣчь идетъ объ Имені Божіемъ“ (стр. 855).

Какой же святынѣ въ Имені поклоняться призываѣтъ православныхъ христіанъ Свят. Синодъ и архиеп.

Никонъ, именующій Имя Божіе „святѣйшимъ“ въ самомъ заглавіи своего доклада? Какой-то фикціи, чему-то такому, чтѣ своей реальностью уподобляется („почти то же“) меридіану, экватору! Но вѣдь самъ Свят. Синодъ говорить, что „Имя Божіе божественно, потому что открыто намъ Богомъ“. Рѣшительно не можемъ примирить этихъ утвержденій.

б) Далѣе—„Имя Божіе и Самъ Богъ *какъ бы* отождествляются“. Что же: отождествляются, или нѣть? У молитвенниковъ отождествляются¹⁾: для нихъ Имя Божіе—Богъ (энергія Божія). Такъ, напримѣръ, у отца Іоанна Кроншт.²⁾; то же видимъ и въ книжкѣ, рекомендованной архиеп. Никономъ, гдѣ говорится, что „Имя Иисуса Христа, призывающее въ молитвѣ, содержитъ въ себѣ *самосущую и самодѣйствующую* благотворную силу“.

„Въ богословствованіи же, какъ и на дѣлѣ,—говорить Синодъ,—Имя Божіе есть только название, а не самъ предметъ“. Что это за странное „на дѣлѣ“, отличаемое Синодомъ отъ богословствования и противополагаемое имъ молитвѣ? Какую же промежуточную сферу между богословствованіемъ и молитвой можетъ занимать это непонятное „на дѣлѣ“? Это весьма неопределено. Ясно же здѣсь для насъ одно: богословствование, какъ и „на дѣлѣ“ въ сознаніи Свят. Синода противополагаются молитвѣ. Но тогда возникаетъ новое и еще большее недоумѣніе: гдѣ же открывается правда о Имені Божіемъ: въ духовномъ ли опытѣ молитвенника, отождествляющаго Имя Божіе

*) Если мы и употребляемъ здѣсь и дальше выраженіе „отождествляется“, то лишь потому, что оно употребляется въ Посланіи. Не настолько на определенномъ терминѣ мы, съ своей стороны, предпочли бы говорить, какъ и говоримъ въ другихъ местахъ этой статьи: „не разъединяется“.

²⁾ См. обѣ этицы ниже, гдѣ приводятся собственныя слова отца Іоанна (стр. 76—77).

сть Богомъ (энергіей Божієї), или въ разсудочномъ познаніи богослова, признающаго Имя Божіе только именемъ и названіемъ предмета? Синодъ явно становится на сторону богослова (противополагаемаго имъ молитвеннику), объявляя „безсмысленнымъ и богохульнымъ“ признаніе и название Имени Божія Богомъ или Божествомъ (энергіей Божієї). Итакъ, молитвеникъ поступаетъ безсмысленно и богохульствуетъ, отождествляя Имя Божіе съ Богомъ¹⁾ (энергіей Божієї)?

Да что молитвеникъ! И архиепископъ Никонъ получаетъ нась тому—и притомъ словами, могущими смутить даже и „имеславца“: „Имя Божіе есть *то же*, что непостижимое *существо* Божія, открывающее себя людямъ“,—читаемъ мы въ толкованіи архиеп. Никона на Евангеліе отъ Матея (Тр. л., № 835).

Не въ томъ ли причина неясности и противорѣчности въ сужденіяхъ Свят. Синода, что онъ забылъ великую истину, изреченную святыми Отцами нашими, Ниломъ Синайскимъ и Іоанномъ Лѣстничникомъ?

„Если ты богословъ,—говорить первый изъ нихъ,—то будешь молиться истинно; и если истинно молишься, то ты богословъ“. (Добротолюбіе, 1895 г., т. II, изд. 2-е).

По слову второго, „совершенно соединившій чувства свои съ Богомъ тайно научается отъ Него словесамъ Его. Но когда это соединеніе съ Богомъ еще не совершилось, тогда и бесѣдоватъ о Богѣ трудно“ (Сл. 30-е, § 21).

Не преждевременно ли Свят. Синодъ объявилъ свой тезисъ вѣрой отеческой?

¹⁾ Мы не можемъ брать подъ свою защиту „догматическую формулу“ „Имя Божіе есть Богъ“, естественно порождающую такъ много недоразумѣй, но ее можемъ согласиться и съ утверждениемъ Поплавскаго, что Имя Божіе, которое, по словамъ св. Г. Златоуста и бл. Феофилакта, „требуетъ вѣры, и ч. его нельзя постигнуть разумомъ“, есть „на дѣлѣ“ „только имя и название предмета“.

II.

Въ первомъ тезисѣ Свят. Синодъ, назвавъ Имя Божіе „святымъ, достопоклоняемымъ и вожделѣннымъ“, свелъ его въ концѣ концовъ чуть ли не къ фикціи (см. въ докладѣ архиеп. Никона). Во второмъ тезисѣ Свят. Синодъ идетъ по тому же пути разъничиванія Имени Божія, отрицая за нимъ чудодѣйствующую силу и приписывая ее вѣрѣ человѣческой, которая *одна* привлекаетъ чудотворящую благодать Божію.

Итакъ, „святое, достопоклоняемое и вожделѣнное“ Имя Божіе, призывающее при чудотвореніи, *само по себѣ* „не имѣть никакого значенія? Всё дѣло въ вѣрѣ, привлекающей благодать?

Слово Божіе много и ярко говоритъ о силѣ вѣры (Евр. XI), но оно отиудь не отрицаетъ и силы Имени (Дѣян. IV, 10), даже, какъ мы указывали раньше, и въ устахъ беззаконниковъ (Мате. VII, 22—23).

III.

Въ третьемъ тезисѣ исключается, повидимому, значеніе Имени Божія и въ совершеніи таинствъ. Таинства совершаются „по молитвѣ и вѣрѣ Церкви“, а „не въ силу произнесенія или изображенія Имени Божія“.

Прежде всего напрасно Свят. Синодъ отгораживается, такъ сказать, отъ значенія Имени Божія при совершеніи таинствъ: никакого противоположенія вѣрѣ въ утвержденіяхъ, что таинства совершаются Именемъ Божіимъ, съ одной стороны, и, „по молитвамъ и вѣрѣ святой Церкви и въ силу данного отъ Господа обѣтования“—съ другой, ибо вѣдь и святыня Имени Божія

жія ввѣренна Церкви и доступна отдельнымъ ея членамъ—лишь въ единеніи съ нею.

Но, кромѣ того, и самая вѣра и молитва Церкви (спросимъ мы) не связана ли вѣзарывно съ призываюемъ Имени Божія?

И, съ другой стороны, почему, по церковному учению, условіемъ дѣйствительности (дѣйствительного совершенія) таинства поставляется произнесение извѣстной молитвенной формулы съ призываюемъ Имени Божія („крещается рабъ Божій во Имя Отца“...)?

И опять утвердить нась въ нашихъ недоумѣніяхъ по поводу Посланія приходитъ арх. Никонъ. „Имя Божіе всегда свято. *Имъ совершаются наши спасительные таинства*“,—возглашаетъ авторъ прекраснаго толкованія на Ев. отъ Матея, умалчивая почему-то въ данномъ случаѣ о заимствованіи этихъ словъ у одного великаго церковнаго авторитета и бера, такимъ образомъ, ихъ на свою личную ответственность.

„Такова,—объявляетъ Синодъ въ своемъ Посланіи,— вѣра православная, вѣра отеческая и апостольская“. Такъ-ли это?

ГЛАВА III.

Если вышеизложенныя недоумѣнія наши, можетъ быть, являются въ глазахъ Синода плодомъ нашего личнаго недомыслія, то какъ примирить съ тезисами Синода мысли и сужденія свв. Отцовъ и другихъ лицъ, гораздо болѣе насы компетентныхъ въ данномъ вопросѣ? Къ этимъ мыслямъ и сужденіямъ мы и переходимъ. Съ тезисами Посланія, начиная съ послѣдняго, мы будемъ сопоставлять ихъ.

1) „Таинства совершаются... не въ силу произнесенія или изображенія Имени Божія“ (Посланіе).

„Говоришь ты: въ крещеніи благодать таинственная дѣйствуетъ. Въ покаяніи же что? *Не то же ли Божіе Имя дѣйствуетъ?*“ (св. Амвросій Медіоланскій. „Дѣѣ книги о покаянії“, стр. 18).

„Имя Его свято и страшно. Его страшатся бѣсы, боятся болѣзни; этимъ Именемъ Апостолы исправили всю вселенную; Его употребивъ, вместо оружія, Давидъ поразилъ иноплеменника; Имъ совершено множество великихъ дѣлъ; *Имъ мы совершаємъ священные таинства...* (св. Іоаннъ Златоустъ. Т. V, кн 1, стр. 309. Спб. 1899 г.).

„Божіе Имя есть вѣць священнѣйшая въ мірѣ. *Имъ совершаются наши спасительные таинства*“ (Филаретъ М. Московскій. Соч. 1873 г. Т. I, стр. 23).

2) Имя Божие, когда произносится въ молитвѣ съ вѣрою, можетъ творить и чудеса, но не само собою, по вслѣдствіе нѣкоей, навсегда какъ бы заключенной въ немъ или къ нему прикрепленной, Божественной силы, которая бы дѣйствовала уже механически,—а такъ, что Господь, видя вѣру нашу и въ силу Своего наложнаго обѣщанія, посыпаетъ Свою благодать и ею совершаеть чудо". (Посланіе).

„Когда Господь возвѣстить что-нибудь, то слушатели не должны перетолковывать словъ Его и съ любопытствомъ наслѣдывать, но обязаны только принять ихъ. И Апостолы были посланы для того, чтобы передать то, что слышали, ничего не прибавляя отъ себя, чтобы и мы, наконецъ, увѣровали. Чему же увѣровали?—О Имени Его. Мы не должны изслѣдывать сущность Его, но вѣровать во Имя Его, такъ какъ оно творило и чудеса. Во Имя Иисуса Христа,—говорить Петръ,—востани и ходи (Дѣян. III, 6). (Св. Иоаннъ Златоустъ. Т. IX, стр. 492).

„Да и чѣмъ Онъ (т.-е. Спаситель) будетъ больше Апостоловъ, если и Самъ творить чудеса чрезъ молитву? Притомъ и они не все дѣлали по молитвѣ, а часто и безъ молитвы, призываю Имя Иисуса. Если же Имя Его имѣло такую силу, то какъ Онъ Самъ могъ нуждаться въ молитвѣ? А если-бы Онъ нуждался въ молитвѣ, то и Имя Его не имѣло бы силы". (Св. Иоаннъ Злат. томъ VIII, кн. 1, Бесѣды на Ев. Иоанна, стр. 431, 1902 г.).

(Дабы всѣ языцы) „вѣровали, слыша о Имени Христа, а не о Существѣ Его, ибо чудеса творило Имя Христово, и оно само требуетъ вѣры, потому что и его нельзя постигнуть разумомъ" (Блаж. Феофилактъ Болгар. Толк. на Посл. къ Римл. I, 5; стр. 6).

„Подивись, пожалуй, и силѣ Имени Христова, какъ дѣйствовала благодать при одномъ произношении онаго,

хотя бы произносяще были и недостойны и не были учениками Христовыми". (Его-же. Благов. на Ев. Луки, ч. 3, стр. 133, изд. 2-е, Казань 1874 г.).

„При началѣ же (евангельской) проповѣди случалось, что нѣкоторые, побуждаемы страстью славолюбія, желали совершать знаменія: но, видя, какъ могущественно Имя Иисусово, они призывали его и, такимъ образомъ, совершали знаменія, хотя и чужды и недостойны были благодати Божией". (Благов. толк. на Ев. Марка, ч. 2-я, стр. 89, издание 2-е, Казань, 1874 г.).

Какъ не увѣровать, что Христосъ воскресъ, когда и Имя Его воскрешало мертвыхъ. (Св. Кирилла Йерусалим. Твор. свв. Отецъ. Т. 25-й, стр. 241. Моек. Дух. Акад. 1855 г.).

3) „На дѣлѣ Имя Божие есть только имя... название предмета... оно не есть энергія Божія" (Посланіе).

„Да святится Имя Твое". Имя Божие по существу свято, хотя говоримъ или не говоримъ сіе". (Твор. св. Кирилла Йерусалимскаго, изд. 2-е, 1893 г., стр. 298-я).

„Что оно (т.-е. Имя Иисусово) чудно по существу своему, это несомнѣнно" (св. Иоан. Злат., т. V, стр. 92. Спб., 1899 г.).

„Свято и страшно Имя Его: для вѣрующихъ оно свято, превождѣльно и источаетъ обилье благъ, а невѣрующихъ и живущихъ беззаконно мучить и наказуетъ" (Блаж. Феодоритъ, ч. 3, стр. 265, изд. 1856 г.).

„Сие Имя спасительное Иисусъ прежде всѣхъ вѣкъ въ Троицкомъ Совѣтѣ бѣ предуготовано, написано и даже доселѣ хранимо на паше избавленіе..., безвѣстная и тайная Премудрости Божией во Имени томъ явлена... Безвѣстна бѣ сила Имени Иисусова, въ Совѣтѣ Предвѣчномъ, аки въ сосудѣ, скрываема... По-

кланяется усердно пресвятому Имени Твоему, о Пресладкій и Всесладкій Иисусе!“ (св. Димитрій Ростовский. Четыри-Минеи, 1-е января, Слово на Обрѣзаніе Господне).

„Имя Божіе есть сущность Божества въ томъ видѣ, въ какомъ можно знать ее“. (Архіеп. Филаретъ Гумилевскій. Бесѣда 25, на текстъ: „Явихъ Имя Твое. человѣкомъ“. Изд., 3-е, ч. 1-я, Спб. 1884 г., стр. 187).

„Имена и качества Божіи, показанныя въ Откровеніи, не произведенія мысли человѣческой, чтобы походить на слова, ничего не значащія“. (Онъ-же. Правосл. догм. богосл., ч. I-я. Спб., 1882 г., стр. 37).

„Имя Божіе есть то же, что непостижимое Существо Божіе, открывающее Себя людямъ“. (Архіеп. Никонъ. „Троиц. Лист.“, т. V, стр. 137, изд. С. Т. Л. 1896—1899).

„По нашей тѣлесности Господь привязываетъ, такъ сказать, Свое присутствіе и Себя Самого къ вещественности, къ какому-нибудь видимому знаменію... къ Имени Своему, состоящему изъ члено-раздѣльныхъ звуковъ“ (о. Іоаннъ Кроншт. „Моя жизнь во Христѣ“, вып. 4-й, изд. 2-е, стр. 30—31, Спб. 1893 г.).

„Въ каждомъ словѣ—Богъ—Слово, простое Существо. Какъ же осторожно надоно выговаривать слова, съ какимъ смиреніемъ, осмотрительностію, чтобы не прогибать Бога-Слова со Отцемъ и Духомъ?“ („Моя жизнь во Христѣ“, т. V, ч. 2, стр. 144, изд. 2-е, Спб. 1894 г.).

„Слово потому надо еще уважать крѣпко, что и во единомъ словѣ бываетъ вездѣсущій и вся исполняющій, единий и нераздѣльный Господь. Потому и говорится: „Не приемли Имени Господа Бога твоего всеу“, что въ одномъ Имени Самъ Сый Господь, простое Существо, Единица приснопоклоняемая“. („Моя жизнь во Христѣ“, т. I, стр. 194. Москва, 1891 г.).

„Онъ (Богъ) весь и во всемъ сущемъ, все проходитъ, все наполняетъ Собою. Напримѣръ, вы читаете молитву, и Онъ весь въ каждомъ словѣ, какъ святой огонь, проникаетъ каждое слово:—каждый самъ это можетъ испытать, если будетъ молиться искренно, усердно, съ вѣрою и любовью. Но особенно Онъ весь въ принадлежащихъ Ему именахъ“. („Моя жизнь во Христѣ“, т. I, стр. 129. Москва, 1891 г.).

„Въ Имени Иисусъ Христосъ—весь Христосъ, душа и тѣло Его, соединенные съ Божествомъ“. („Моя жизнь во Христѣ“, вып. 5-й, стр. 30, изд. 2-е. Спб. 1893 г.).

Этими немногими (изъ множества подобныхъ) мыслями о. Іоанна Кронштадтскаго мы и закончимъ наши выдержки изъ святоотеческихъ и другихъ писаний¹⁾.

Считаемъ нужнымъ при этомъ остановиться нѣсколько на синодальномъ толкованіи „имеславныхъ“ выражений о. Іоанна. Толкованіе это мы уже однажды приводили, но по другому поводу. Вотъ оно:

„Взявшись въ слова о. Іоанна, всякий можетъ убѣдиться, что о. Іоаннъ говорить только о томъ, свойственномъ нашему сознанію, явленіи, что мы при молитвѣ, при произнѣшіи Имени Божія въ сердцѣ, въ частности—при молитвѣ Иисусовой, не отдѣляемъ въ своемъ сознаніи Его Самого отъ произносимаго Имени. Имя и Самъ Богъ въ молитвѣ для насть тождественны. О. Іоаннъ совѣтуетъ и не отдѣлять ихъ, не стараться при молитвѣ представлять Бога отдѣльно отъ Имени и вѣтъ его“.

Прелагаемъ читателю самому сопоставить съ этимъ толкованіемъ только что процитированныя места изъ

¹⁾ Желающие могутъ найти немало относящагося сюда (разной цѣнности) материала въ брошюрѣ „Мысли Отцовъ Церкви о Имени Божиемъ“ (п. 20 к. Продается въ кн. и. И. Л. Тузова).

о. Иоанна. Содержится ли въ нихъ только то, что *единственno* хочеть видѣть Святейшій Синодъ въ „соблазнительныхъ“ выраженіяхъ о. Иоанна? Ну, развѣ тутъ рѣчь идеть только о *субъективномъ* явленіи нашего сознанія *во время молитвы?* Если о. Иоанну и открывалась именно па молитвѣ неразрывность Имени и Именуемаго, то онъ утверждалъ эту неразрывность не какъ субъективное состояніе сознанія въ молитвенномъ процессѣ (въ такомъ случаѣ это было бы прелестю), а какъ объективный фактъ, который въ истинной молитвѣ — лишь опытно опознается. Да, о. Иоаннъ многократно и многообразно устанавливаетъ эту связь, какъ нѣчто объективное, что на языкѣ синодального Послания слѣдуетъ называть „на дѣлѣ“. И ужъ отъ этой, объективно существующей, связи Имени Божія съ Богомъ дѣлаетъ онъ дальнѣйшія заключенія. Между прочимъ, говоря о молитвѣ, онъ учить, что молящійся искренно, съ вѣрою и любовью, опытно опознаетъ эту нераздѣльность, какъ достойно причащающійся опытно можетъ познать то, что раньше принималъ убѣждениемъ и вѣрою, а именно, что въ Евхаристической чашѣ — подлинно Тѣло и Кровь Христовы. Изъ этой же объективной нераздѣльности Имени Божія съ Богомъ почертаетъ о. Иоаннъ (какъ видно изъ третьей цитаты) и поясненіе третьей заповѣди. Отсюда же вытекаетъ его увѣщаніе къ „осторожному, осмотрительному и смиренному“ пользованію словомъ вообще.

Ясно, что авторамъ Послания хотѣлось, во что бы то ни стало, хотя бы тѣнью натяжекъ и недомолвокъ, выгородить изъ-подъ собственной анаемы „имеславныя“ мысли о. Иоанна. У нихъ не хватило мужества и искренности прямо сказать, что съ ихъ точки зреянія о. Иоаннъ заблуждался въ данномъ случаѣ, какъ и осужденный ими о. Иларіонъ. Та же неискренность мѣшиаетъ Свят. Синоду признать, что „имеславная ересь“ распространялась въ теченіе 1911 года чрезъ „Троицкое Слово“,

журналъ, издаваемый архиеп. Никономъ; распространяется и понынѣ въ книжкѣ, изданной Оптиной пустынью („Изъ разсказовъ странника о благодатномъ дѣлѣствіи молитвы Иисусовой“), съ весьма рекомендательнымъ предисловіемъ того же архиеп. Никона и, наконецъ, въ его же толкованіи на Евангеліе отъ Матеяя¹⁾. Или, можетъ быть, Свят. Синодъ заколебался — и находится, что онъ „поспѣшилъ“ объявить ересью „имеславіе“?!

¹⁾ Не сдѣланное Синодомъ сдѣжало, — невольно, самъ того не вѣдая, — наждь православной официальной миссіи В. М. Скворцовъ. См. въ концѣ книги статью М. Новоселова: „Архиеп. Никонъ — распространитель ереси“.

ГЛАВА IV.

Мы могли бы значительно увеличить количество святоотеческихъ и иныхъ цитатъ, но полагаемъ, что и вышеприведенныхъ достаточно, чтобы непредубежденный читатель призналъ основательность нашихъ сомнѣній въ непогрѣшимости синодального Посланія, возвѣщаемаго, однако, православному миру, какъ „голосъ Матери-Церкви“. „Святѣйшій Синодъ,—гласить Посланіе,—вполнѣ присоединяется къ решенію Святѣйшаго патріарха и священного синода Великой Константинопольской Церкви, осудившаго новое учение, какъ „богохульное и еретическое“, и, съ своей стороны, умоляетъ всѣхъ, увлекшихся этимъ учениемъ, оставить ошибочное мудрованіе и смиренno покориться голосу Матери-Церкви, которая одна на землѣ есть „столпъ и утверждение истины“, и виѣ которой вѣть спасенія“ (стр. 284). „Иначо мысляще должны выразить свое подчиненіе голосу Церкви и обѣщаніе впередь отъ произвольныхъ мудрованій воздерживаться и никого ими не соблазнять“ (стр. 285). „Книгу „На горахъ Кавказа“, какъ дающую основаніе къ неправильнымъ мудрованіямъ, „Апологію“ о. Булатовича и все прочие книги и листки, написанные въ защиту новоизмышленного учения, объявить осужденными Церковью“ (стр. 285—286). „Теперь,—авторитетно гласить Посланіе,—когда высказались и Константинополь-

ская и Россійская церковная власть, ихъ („имеславцевъ“) дальнѣйшее настаиваніе на своемъ будеть уже противоборствомъ истины“ (стр. 286).

Если раньше мы высказывали наши *недоумѣнія* и *сомнѣнія* при разсмотрѣніи синодального Посланія касательно выраженныхъ въ немъ мыслей, то теперь, относительно послѣдняго утвержденія—о *непогрѣшимости совмѣстнаго голоса Константинопольской и Россійской церковной власти*, мы категорически заявляемъ, что утвержденіе это—ложно и является *узурпацией права православнаго мира*. Какъ и раньше, такъ и въ данномъ случаѣ, мы вызовемъ вт оритетныхъ свидѣтелей въ подтвержденіе той мысли, что Свят. Синодъ, утверждая свою и Константинопольскаго патріарха непогрѣшимость, „восхищаетъ не дарованное“.

I.

Первымъ свидѣтелемъ да будетъ постоянный членъ Святѣйшаго Синода, авторитетнѣйший архіепископъ Антоній волынскій. Скорбя о томъ, что русская Церковь лишена патріарха, онъ такъ характеризовалъ въ Предсоборномъ Присутствії Святѣйшій Синодъ, а вмѣсть и положеніе русской Церкви:

„Этой красоты Церкви (патріаршества) мы были лишены въ продолженіе 200 лѣтъ, сперва чрезъ насилие, а потомъ по недоразумѣнію. Коллегія (Синодъ) не можетъ замѣнить Божія Пастыря, и безъ главы не бываетъ церковь въ очахъ Божіихъ, но церковь наша пребывала въ двухвѣковомъ плененіи“. „Церковь наша,—пишетъ тотъ же авторъ въ „Голосѣ Церкви“ (1912 г. Январь),—управляется міряниномъ или офиціально—учрежденіемъ коллегіальнымъ, никогда неизвестнымъ Христовой Церкви... Церковь... лишена законнаго главы и отдана въ порабощеніе мірскимъ

чиновникамъ, прикрывающимъ собраниемъ шести, семи по-полугодно смѣняемыхъ архіереевъ и двухъ іероевъ. Кто же не знаетъ, что такое учрежденіе не каноническое? что оно не утверждено было при своемъ основаніи двумя патріархами, да если бъ и было утверждено всѣми четырьмя, то это говорило бы только о незаконномъ дѣйствіи патріарховъ, а не о канонической законности синодального управлія, такъ какъ никакіе патріархи не могутъ утвердить и авторизировать учрежденія, невѣдомаго Святому Православію и придуманного единственно для его ослабленія и растѣнія... Отмѣна патріаршества была нарушеніемъ основныхъ законовъ Христовой Церкви, законовъ не-отмѣнныхъ, установленныхъ вселенскими соборами, а потому имѣющихъ равнозначное значеніе со словами Священнаго Писанія, составъ котораго утвержденья для Церкви тѣми же соборами, которые установили правило церковнаго управлія" (стр. 163—164).

Опуская яркую характеристику, данную арх. Антоніемъ на слѣдующихъ страницахъ, неограниченной, "незаконной" власти оберъ-прокурора, мы закончимъ цитаты изъ писаній нашего автора слѣдующими немногими, но весьма характерными словами: "народъ русский не имѣть общаго пастыря, а Церковь русская въ ея цѣломъ не имѣть отвѣтственнаго попечителя,— она является, какъ вымороченное достояніе, какъ гес птицъ" (стр. 177).

Можно ли, спросимъ мы, при такомъ возврѣніи на русскую Церковь, какъ на обезглавленную, какъ на "вымороченное достояніе", на Синодъ, какъ на учрежденіе, "придуманное единственно для ослабленія и растѣнія" Православія,—можно ли Синоду приписывать непогрѣшимость, да и вообще слишкомъ большой авторитетъ?

П.

Но допустимъ, что архіеп. Антоній заблуждается. Допустимъ, что Свят. Синодъ ничуть не менѣе канониченъ и авторитетенъ, чѣмъ былой патріархъ. Можно ли, опять спросимъ мы, и въ такомъ случаѣ признать за согласнымъ мнѣніемъ русскаго Синода и Константинопольскаго патріарха *безусловный* авторитетъ въ вопросахъ вѣры, въ ихъ сужденіяхъ—непогрѣшимый голосъ Вселенской Церкви? Нѣть, рѣшительно отвѣчаемъ мы. Свидѣтельствовать въ пользу нашего мнѣнія будугь на этотъ разъ историческіе факты.

Вотъ что читаемъ мы въ сочиненіи магистра-игумена Модеста, посвященномъ святому Григорію Паламѣ:

"Несмотря на то, что св. Палама, оставивъ Константинополь, около двухъ лѣтъ спокойно подвизался въ одной изъ обителей Геракліи и нисколько не вмѣшивался въ дѣла политики, Патріархъ (Калека), конечно, по навѣтамъ Акиндина, вызвать его въ 1343 г. въ Константинополь, и заключилъ въ темницу, будто за распространеніе ученія о многобожіи и за связь съ Кантакузеномъ. Впрочемъ, чтобы дать законный видъ осужденію Паламы, Калека просилъ Антіохійскаго Патріарха Игнатія разсмотрѣть его ученіе. Игнатій прибылъ въ Византію въ 1344 году, и, переговоривъ съ Калекою, безъ всякаго суда написалъ обвинительное сочиненіе противъ Паламы и вручилъ оно Калекѣ. Патріархъ обнародовалъ это сочиненіе того же года, а въ слѣдующемъ 1345 году составилъ въ Византіи соборъ противъ св. Паламы. Приведенный изъ темницы на соборный судъ, св. Палама съ прискорбiemъ увидѣлъ, что и тѣ, которые нѣкогда вмѣстѣ съ нимъ подвизались за Православіе противъ Вѣлаама, какъ-то

Никифоръ Григорасъ, теперь сдѣлались его обвинителими и врагами, что всѣ противъ него, и никто за него, или, лучше, за Православіе. Долго онъ защищался и спорилъ съ своими обвинителями; наконецъ, увидѣвъ, что они желаютъ только осудить его, за лучшее счѣль не отвѣтать болѣе на обвиненія. Тогда Патріархъ Калека обвинилъ св. Паламу въ многобожіи, отлучилъ отъ Церкви и снова отослалъ въ темницу. Въ заключеніе соборныхъ дѣяній Калека призналъ догматы Римской церкви и главенство папы" (стр. 20).

Итакъ, два патріарха (изъ коихъ одинъ Константинопольский), и не они одни, а вмѣстѣ съ помѣстнымъ соборомъ, оказались на сторонѣ заблужденія, лжи—противъ великаго поборника православія св. Григорія. И достойно вниманія то, что одинъ изъ патріарховъ поступилъ по отношенію къ св. Григорію совершенно такъ же, какъ покойный патріархъ Іоакимъ къ сторонникамъ „имеславія“, осудившій послѣднихъ безъ знакомства съ пререкаемымъ ученіемъ и безъ суда.

III.

Третьимъ свидѣтелемъ противъ Свят. Синода выступаютъ не одинъ, а всѣ восточные патріархи въ своемъ извѣстномъ Посланиі отъ 6 Января 1848 г. Въ этомъ посланиі мы найдемъ и принципіальное освѣщеніе только что изложеннаго нами историческаго события.

„У насъ ни патріархи, ни соборы не могли никогда ввести что-нибудь новое,—гласить упомянутое Посланіе,—потому что хранителемъ вѣры у насъ—самое тѣло Церкви, т. е. самый народъ"¹⁾.

¹⁾ Не лишнимъ считается напомнить здесь сдѣлываю щія слова присно-
чамътнаго А. С. Хомякова:

„Бывали соборы еретические, каковы, напримеръ, тѣ, на которыхъ
составленъ былъ полуарізмскій символъ; соборы, на которыхъ под-

Это же Посланіе восточныхъ патріарховъ даётъ прекрасный урокъ авторамъ нашего синодального Посланія. Изобличая папу, оно вмѣстѣ съ тѣмъ изобличаетъ ложь совершенно папистического принципа, выдвинутаго нашимъ Синодомъ.

„Онъ (т. е. Римскій епископъ) не апостольскимъ исповѣданіемъ своимъ измѣряетъ достоинство своего престола, но апостольскимъ престоломъ старается доказать свое достоинство, а изъ достоинства свое исповѣданіе, а на самомъ дѣлѣ это иначе... Научаютъ насъ свв. Отцы, чтобы мы судили не о Православіи по святому престолу, но о самомъ престолѣ и сдѣлящемъ на немъ по соборнымъ постановленіямъ и определеніямъ и по исповѣданію вѣры, т. е. по Православію неизмѣнно содержимаго ученія".

IV.

Чтобы облегчить синодальнымъ архиепископамъ пониманіе этого чрезвычайно важнаго и, очевидно, имъ неяснаго вопроса о критеріи церковной истины, сдѣляемъ четвертый поступательный шагъ впередъ и выслушаемъ четвертое свидѣтельство, исходящее отъ тонкаго аналитика религіозныхъ вопросовъ, извѣстнаго

писавшемся епископомъ насчитывалось вдвое болѣе, чѣмъ на Никейскомъ, соборы, на которыхъ императоры принимали ереси, патріархи провозглашали ереси, папы подчинались ереси. Почему же отвергнуты эти соборы, не представляющіе никакихъ наружныхъ отаницъ отъ соборовъ вселенскихъ? Поэтому единственное, что ихъ отрицаніе не было признано за голосъ Церкви *всѧкоѧ церквиныѧ народомъ*, тѣмъ народомъ и въ той средѣ, где въ вопросахъ вѣры нѣть различія между учеными и неучеными, церковникомъ и миряниномъ, мужчиною и женщиной, государемъ и подданнымъ, рабовладѣльцемъ и рабомъ, где, когда это нужно, по усмотрѣнію Божію, отрокъ получаетъ даръ вѣданія, младенцу дается слово премудрости, ересь ученаго епископа опровергается безграмотнымъ пастухомъ, дабы все были едины въ свободномъ единству живой вѣры, которое есть проявленіе Духа Божія". (Томъ II, изд. 3-е, стр. 71—72).

Ю. О. Самарина. Мы разумѣемъ его замѣчательное письмо къ баронессѣ Э. О. Раденъ. Вотъ это письмо, которое мы приводимъ почти цѣликомъ:

„Въ вашемъ послѣднемъ письмѣ есть мѣсто, на которомъ я хотѣлъ бы остановить ваше вниманіе: «думаете ли вы, что Хомяковъ, сынъ и поборникъ Церкви *видимой* и *непогрѣшимой*, могъ бы и т. д.».— Предлагаю вамъ не опровергнѣ, но анализъ двухъ подчеркнутыхъ выражений. Знаете ли вы почему вы ихъ отвергаете, какъ противоположность вашему исповѣданію вѣры? Это потому, что вы и вѣтъ протестанты устанавливаете между ними такое отношеніе, какого на самомъ дѣлѣ не существуетъ. Ничто изъ *видимаго* въ Церкви не есть *непогрѣшими* само по себѣ, и ничто *непогрѣшими* въ Церкви не различается видимымъ образомъ. Для болѣшей ясности попробую выразить это иначе: то, что по справедливости возмущаетъ ваши инстинкты христіанской свободы,— это какой-бы то ни было вѣнчаний знакъ, какъ пребывающее указаніе, съязванное со всякимъ проявленіемъ непогрѣшности, или какъ критерій истины. У васъ есть чувство (и въ этомъ, на мой взглядъ, великая заслуга протестанства), что всякий вѣнчаний знакъ можно отобрать и извратить въ пользу заблужденія. Совѣсть ваша говорить вамъ, что Господь требуетъ отъ насъ не только большаго, но *совсѣмъ иного*, нежели актъ вѣнчания принятія или подчиненія извѣстному знамени, важдю, собранію, даже книгѣ. Еще разъ,—въ этомъ вы правы и принадлежите къ Церкви, сами того не зная. Помимо знака, съ которымъ ее предполагаютъ связанныю, что такое непогрѣшность? Это внутреннее чувство истины, всегда тождественное съ собою, какъ сила пребывающая въ состояніи скрытомъ или дѣятельномъ. Отрицать эту силу значило бы признать, что врата адова могли бы одолѣть Церковь Божію, или, другими словами, это значило бы предать

на произволъ случая будущность христіанского человѣчества.

Слово „дѣятельное“ предполагаетъ способность проявляться какимъ-либо образомъ, и я сомнѣваюсь, чтобы въ этомъ смыслѣ она могла стѣснить свободу. Слова Писанія: „Духъ Божій дышитъ, гдѣ хочетъ“, не означаютъ, чтобы Онъ самъ существовалъ только подъ условіемъ не проявляться; они не означаютъ также, что всякий предметъ, подлежащий чувствамъ, есть въ одинаковой степени прямое проявленіе Духа; они означаютъ, напротивъ, что Духъ проявляется, и что Онъ это дѣлаетъ со всемъ свободою,—или, другими словами, что всякая форма, всякое дѣйствіе, всякое слово можетъ по Его избранію служить Ему орудіемъ. Почему же,—возвращаясь къ Церкви,—предположимъ мы, что она не можетъ быть иною, какъ *невидимою*, т. е. лишенную способности проявляться, или же, напротивъ, привязанную въ примѣненіи этой способности къ *одной* осознательной и видимой формѣ съ исключениемъ всякой другой? Между тѣмъ, вопросъ всегда сводится именно къ этимъ двумъ терминамъ: Церковь—какъ отвлеченность, или Церковь—какъ авторитетъ, распознаваемый по вѣнчаному знаку. Признаете же вы, однако, *одно* произведеніе Церкви, какъ нравственнаго существа, всегда тождественнаго съ собою, или, другими словами, непогрѣшими—одно единственное, именно извѣстный изборникъ лѣтописей, проповѣдей, стихотвореній и посланій, которому вы даете название Писанія. Почему же одно это проявленіе, съ исключениемъ всякаго другого? Почему авторъ Писанія, который не есть ни Моисей, ни св. Лука, ни св. Павелъ, а Церковь(?), потерялъ бы слово, какъ только книга окончена?

Я не настаиваю на этой сторонѣ вопроса, которую считаю достаточно выясненою, но я долженъ объяснить вамъ причины, заставляющія меня отвергать вѣнчаній

знакъ во имя Церкви... Предполагаютъ вообще, что между латинской церковью и нашимъ разногласіемъ здѣсь состоить въ томъ, что одна принимаетъ за органъ божественного вдохновенія (?) особу преемника св. Петра, тогда какъ другая приписываетъ ту же силу совокупности епископовъ, соединенныхъ во вселенскій соборъ. Такимъ образомъ, съ обѣихъ сторонъ было бы признаніе вѣнчанаго знака въ принципѣ и разногласіе, лишь относительно факта. Признаюсь, что я самъ долгое время держался этого ученія, но по зреѣмъ размышенію оставилъ его. Чтобъ меня сначала поразило, это то, что на этой почвѣ мы всегда были побиваемы папистами. Если только допустить этотъ принципъ,— они одни послѣдовательны, предлагая въ качествѣ знака опредѣленную личность, видимый характеръ которой безспоренъ. Приглядываясь ближе, я замѣтилъ, что никогда Церковь не усвоила заранѣе никакому собору характера вселенскости. Никогда она не говорила: такое-то ученіе истинно, потому что его провозгласилъ такой-то вселенскій соборъ; напротивъ, только признавши ученіе истиннымъ, она усвоила формулировавшему его собранію титулъ вселенскаго. Если понадобится, я берусь доказать, что не существуетъ никакого юридического указанія, по которому можно было бы различить вселенскій соборъ, какъ органъ непогрѣшимости, отъ всякаго другого собранія епископовъ. Этого указанія—никто его даже не искалъ, и въ этомъ отношеніи нельзя не признать огромной важности Флорентійскаго собора. Мы его отвергаемъ, и однако-же торжественность созванія, число присутствовавшихъ епископовъ, громадное большинство принявшихъ постановленія, исчезающее меньшинство противовавшихъ, все это, казалось бы, оправдывало притязанія на абсолютный авторитетъ. Провидѣнію какъ будто было угодно, чтобы въ этомъ достопамятномъ собраніи всѣ вѣнчаніе знаки отсутствовали у

истины и поставили бы себѣ въ услуженіе заблужденію.

Духъ Божій не отвлеченностъ. Онъ существуетъ и проявляется; Онъ говорить и дѣйствуетъ. Ищите Его добросовѣстно, ищите Его всегда и вы узнаете Его между всѣмъ (что не есть Онъ). Если же, въ утомлѣніи, вы возмните актомъ вѣнчанаго подчиненія удовлетворить голость вашей совѣсти, которая хочетъ, чтобы все ваше существо прониклось истиной, Духъ Божій уклонится отъ васъ, и вы очутитесь передъ какимъ-нибудь идоломъ. Вотъ, кажется мнѣ, поученіе, которое вытекаетъ изъ всей исторіи Церкви".

"Несмотря на нѣкоторыя ошибки, происшедшія, быть можетъ, отъ недосмотра, извинительного въ частномъ письмѣ (я отмѣтилъ ихъ вопросительными знаками),—говорить по поводу этого письма Владіміръ Соловьевъ,—это разсужденіе въ общей своей связи не можетъ быть серьезно оспариваемо, и ту дилемму, къ которой оно приходитъ: *папизмъ или духовная свобода*—можно обойти только путемъ недостойныхъ и бесплодныхъ сдѣлокъ съ совѣстью".

Возвращаемся въ заключеніе къ вопросу объ Имени Божіемъ.

"Чего же вы хотите?"—спросять, можетъ быть, наше наши читатели.

Мы хотимъ, чтобы наше высшее первовное управление сняло оковы, надѣтныя имъ на православныхъ русскихъ людей, сняло особенно съ тѣхъ изъ нихъ, которые стоять въ слишкомъ большой зависимости отъ Синода, каковы всѣ духовныя лица, профессора академій, преподаватели семинарій и другихъ духовныхъ учебныхъ заведеній¹⁾.

1) Здѣсь уместно напомнить, что Константинопольскій патріархъ счѣлъ нужнымъ обратиться для решенія вопроса, такъ сильно изволившаго Церковь, къ высшей и единственной, находящейся въ его

Мы хотимъ, чтобы православные люди могли свободно, не боясь обвинений въ еретичествѣ, тщательно и не спѣшно, *sine ira et studio* обсудить сложный, глубокій и важный вопросъ о Имені Божіемъ.

Въ этихъ *ira et studio* не было недостатка у обѣихъ сторонъ, каковое обстоятельство въ значительной мѣрѣ явилось причиной того, что ни та, ни другая сторона не дала вполнѣ удовлетворительного и исчерпывающаго рѣшенія вопроса.

Внѣ этому голосу смущенной христіанской совѣсти, не нашей только, а многихъ-многихъ православныхъ христіанъ—священный долгъ Святѣйшаго Синода, если онъ хочетъ быть не „наемникомъ“, нерадящимъ о духовныхъ нуждахъ овецъ Христовыхъ, не „волкомъ“, разгоняющимъ ихъ по чужимъ дворамъ, а „настыремъ добрымъ“, „пасущимъ Божіе стадо богоугодно, не гospодствуя надъ наслѣдіемъ Божіимъ“, подобно Римскому первосвященнику.

вѣтнини, богословской Халкинскай школѣ (соответствующей, приблизительно, нашимъ семинариямъ). А наше Святѣйшій Синодъ, миновавъ четыре духовныя академии и не сколько десятковъ семинарий, остановился на Петербургскомъ духовномъ училищѣ, откуда воззвалъ на сіе ответственный дѣло учителя латинскаго языка.

О томъ, насколько здѣсь нужна независимая работа богословской мысли, лучше всего свидѣтельствуютъ печатающіяся теперь къ „Ц. В.“ статьи С. Т., излагающія учение объ именахъ св. Григорія Нисского и др. Отцомъ Церкви. Неуклонно на эту работу уполномочены нынѣ церковною властью только одинъ этотъ богословъ, а вся русская богословская наука взята подъ подозрѣніе? Между тѣмъ объективное изѣдованіе положенія вопроса объ именахъ у разныхъ Отцовъ Церкви требуетъ коллектическаго труда и превосходить отдельныя силы.

VIII.

Письма и замѣтки.

I.

Многоуважаемый NN.! Благодарю Васъ за присланный Вами экземпляръ „Материаловъ къ спору о почитаніи Имені Божія“. Очень сочувствую Вашему намѣренію перенести вопросъ съ почвы однихъ „апологій“ на открытую арену, где бы и сторонники имѣславія и его противники могли встрѣчаться другъ съ другомъ лицомъ къ лицу. Вѣдь такъ и должно быть: кромѣ явныхъ имѣславцевъ и явныхъ имѣборцевъ есть и третья группа—и она, очевидно, наибольшая,—для которой вопросъ о Имені Божіемъ остается открытымъ (для простецовъ—по неспособности къ отчетливому мышленію, для мудрѣй—по трудности возвратиться первоначальной простотѣ вѣры). „Апология“ вышла въ самый разгаръ борьбы (хотя теперешняя тишина, послѣ военнаго усмиренія, куда болѣе жуткая и зловѣщая), поэтому она несеть на себѣ следы нѣкоторой страстности и, до известной степени, исключаетъ возможность объективнаго отношенія къ темъ, для стоящаго въ партіи. „Материалы“ же должны быть любезны всѣмъ, и тяжущимся и судящимъ.

Съ такимъ чувствомъ я приступилъ къ чтенію ихъ, но теперь, прочтя, вижу, что ошибся: увы, они любезны далеко не всѣмъ.—По тенденціозности?—отнюдь не: на чьей сторонѣ издатель—вовсе не видно,

ничто не подчеркнуто въ ущербъ противному. Въ чём же дѣло? — А дѣло въ томъ, что обвинители имеславцевъ (*altera pars*, если смотрѣть съ точки зрѣнія „Апології“) являются обвинителями самихъ себя, и предполагавшееся состязаніе, благодаря этому, обращается въ новую „Апологію“. Въ самомъ дѣлѣ, что такое представляеть собою увѣщательное письмо архиеп. Никона и отвѣтъ богослововъ Халкинскай школы, вмѣстѣ съ грамотой патріарха, опирающейся на него? Не есть ли это одна героическая поза, за которой не чувствуется силы? Архиеп. Никонъ укоряетъ имеславцевъ за поспѣшность дѣйствій и за то, что они судятъ прежде суда Церкви,—кажется вѣскій доводъ? но, въ томъ же письмѣ, разсказывается, какъ *имеборцы* топтали ногами записки съ Именемъ Господа Иисуса, и поминается архиепископъ, на которого за что-то перваго ополчились имеславцы (за что—умолчано). Это—что касается обвиненія въ поспѣшности и страстности; но важнѣе второе—апелляція къ суду Церкви. Какъ понимаетъ эту высшую инстанцію архиеп. Никонъ? Это,—говорить онъ,—„многъ сонмъ паstryрей и учителей, какъ въ Русской, такъ и въ Греческой Церкви, достаточно просвѣщенныхъ, чтобы за послушаніе Владыки Церковной изучить неясныя мѣста въ книгѣ („На горахъ Кавказа“, изъ-за которой возгорѣлся споръ) и сказать о нихъ авторитетное слово“ („Материалы“, стр. 7). Какъ будто что-то похожее на Вселененскій Соборъ, хотя и безъ вилімаго съѣзда,—возражать не на что. Но, теперь, мы знаемъ, что этотъ „многъ сонмъ“ свелся къ двумъ архиепископамъ (изъ которыхъ одинъ—заинтересованное лицо въ дѣлѣ, а другой не имѣть достаточнай богословской просвѣщенности), шести преподавателямъ греческой богословской школы и одному учителю русскаго духовнаго училища. Неужели у Церкви только и нашлось послушныхъ чадъ изъ многаго сонма просвѣщенныхъ паstry-

рей и учителей? Неужели Церковь дошла до такого печальнаго состоянія?—Да не будетъ. Но почему же въ такомъ случаѣ церковная власть не подняла голоса обличенія противъ четырехъ академій и многаго множества богословски образованныхъ духовныхъ и мірянъ, укоривъ ихъ за безпечное отношеніе къ вопросу, заслуживающему, по ея собственному мнѣнію, внимательнаго разбора? наконецъ,—просто за непослушаніе этой власти? Не понимается ли подъ этимъ послушаніемъ просто готовое желаніе не противорѣчить власти даже тамъ, где она, повидимому, сама апеллируетъ къ голосу всей Церкви? Но тогда зачѣмъ же вся эта комедія „сонма“ изъ десятка душъ? не проще ли было бы прямо „ex cathedra“ объявить новое пониманіе ереси? Правда, у насъ, милостию Божией, эта *cathedra*—лишь общее понятіе, форма съ текучимъ содержаніемъ, хранитель вѣры у насъ тѣло Церкви—народъ (какъ писали въ своеі чудномъ Посланіи патріархи, которые для виѣшняго взгляда гораздо больше походить на папъ, чѣмъ нашъ коллегіумъ—ихъ русскій „брать“, почему-то даже не приглашенній принять участіе въ томъ Посланіи), но если ужъ говорить объ ошибкѣ, то, психологически, такое восхищеніе недарованнаго (т. е. права выносить сужденіе по догматическимъ вопросамъ) было бы болѣе достойно извиненія (вѣдь ученое монашество со школьнай скамы воспитывается къ власти); однако въ данномъ случаѣ сознаніе въ необходимости „многаго сонма“ было, значить все остальное въ дѣлѣ было просто извращено. — Но обратимся къ отвѣту халкинцевъ: можетъ быть, онъ столь вѣскій, что исключаетъ нужду въ большемъ сонмѣ?—Передъ нами—записочка въ четыре страницы. — Книга „На горахъ Кавказа“ (инкриминируемая) не извѣстна (по незнанію русскаго языка), подъ руками у богослововъ—судей нѣсколько рукописей (своихъ и переведенныхъ

сь русского) и „печатныхъ статей“ (какихъ? статей изъ „Инока“?), ни одной поправки на имеславическое пониманіе мѣсть Свяц. Писанія и у святыхъ Отцовъ, и, тѣмъ не менѣе — приговоръ: Имена Божіи — не энергіи Божіи (хотя энергіи — Божество, какъ природа Бога; послѣднее, между прочимъ, всетаки неясно доселъ многимъ имеборцамъ, напр. Троицкому, считающему природу Божію Божественной, но не Богомъ), а потому ихъ (имеславцевъ) заключенія „вопреки всѣмъ ихъ отрицаніямъ (?) пахнуть пантезизмомъ“ (стр. 44). Вотъ — и все. А на этомъ запахѣ, который халкинцы ощутили сквозь переводъ (сдѣланный кѣмъ?) вѣдь движение идетъ „собственно между русскими монахами“, какъ пишеть въ своей грамотѣ патріархъ, — см. стр. 46), на этомъ запахѣ построено патріаршее осужденіе (см. грамоту п. Германа, напечатанную вслѣдъ за отвѣтомъ халкинцевъ). Что это? — простодушіе наивной вѣры? Но это простодушіе сдѣлало мучениками нѣсколько сотъ православныхъ иноковъ и — сдѣлавъ — не раскаялось въ своей наивности. Да и къ наивности ли взыть архіепископъ, когда говорилъ о сонмѣ просвѣщенныхъ богослововъ, не призывалъ ли онъ скорѣе перевести языкъ наивной вѣры имеславцевъ на ясную словесную формулировку? Въ такихъ недоумѣніяхъ (чтобы не сказать хуже) мечется мысль при чтеніи этихъ „Материаловъ“. И тутъ же отвѣтъ имеславцевъ на посланіе архіеп. Никона — прѣстой, твердый и чуждый всякаго сектантскаго задора. Да, любезный NN, съ точки зрѣнія altera pars, м. б., было бы лучше, если-бы Вы ограничились изданіемъ однихъ апологій... Что-то Вы дадите въ слѣдующемъ выпускѣ, во пока можно сказать: „женщина, гдѣ твой обвинители?“.

II.

Отцы, зная глубины сердца падшаго человѣка, зная его движенія ропота и бунта, какъ оно всегда, при всякомъ испытаніи, готово воліять вмѣстѣ съ разбойникомъ хулителемъ: „Сниди со креста“ и мѣнь не предлагай крестнаго пути,—тогда назову Тебя Спасителемъ!—зная это, они поняли, что для человѣка, не освященнаго, устное призваніе Имени Іисусова есть уже противление чувствованіямъ его сердца, противленіе, дѣлающее возможнымъ дѣйствіе на человѣка силы Божией. Такъ установлена ими такъ называемая Іисусова молитва — молитва, состоящая въ призываціи Имени Іисуса.

Если всякое *Имя Божіє свято* (см. катехизисъ м: Филарета), то пѣть ближе сердцу человѣка Имени Іисуса: Богъ, Самъ въ Себѣ, въ бытіи Своемъ о Себѣ, недоступенъ человѣку: Онъ открывается только въ дѣйствіяхъ Своихъ на міръ и человѣка, и по дѣйствіямъ Своимъ и именуется имъ, т.-е. познается то какъ Всемогущій, то какъ Вѣчный, то какъ Спаситель („Богъ нашъ — Богъ Спаситель“).

Въ Богочеловѣчествѣ Господа Нашего Іисуса Христа дѣйствіе Божіе сочеталось во-едино съ душою человѣка, — дѣлая человѣка Словомъ Своимъ. („Я открылъ имъ Имя Твое“. „Откуда узнали мы любовь, — спрашивается Апостолъ: — оттого, что Онъ возлюбилъ насъ“). И нынѣ познается Богъ душою человѣка въ душѣ Ему родной и близкой — не въ душѣ міра или иной твари, высшей или низшей его, не въ его собственной, въ душѣ, его душѣ адекватной („совершенный человѣкъ и совершенный Богъ“, такъ поетъ Церковь). Человѣкъ, именуя Господа Іисуса, въ этомъ молитвенномъ дѣланіи ближе всего къ познанію

Сущаго; ибо если Имя Божие: „Всемогущий“ написано писаломъ мірозданія (Булатовичъ), то имя Его „Любовь“ написано въ Сынѣ Его. Онъ открылъ Имя Божие—Имя Отца, любящаго Свое *созданіе*, и потому творческое Божие дѣйствие *возсозданія* человѣка совершается не иначе, какъ Именемъ Иисусовымъ (Св. Духъ указуетъ въ немъ образъ совершенного человѣка, какимъ долженъ быть каждый человѣкъ, что должно мудрствовать въ сердцѣ его).

Имя Его—Спасителя и Испытителя—Божественно; ибо—Божественно дѣйствие спасающей и искупляющей Силы Божией („Христосъ—Сила Божія“). Познаніе Господа Иисуса, или—что то же въ духовномъ смыслѣ—познаніе Его Имени—есть уже творческое дыханіе Духа. Личность человѣка, тѣ несознательное ни съ чѣмъ, что всегда отличаетъ одну личность отъ другой, что дѣлаетъ ее *единственной*,—есть сердце, или внутренній человѣкъ. Жизнь сердца есть жизнь духа человѣка, и все, что движетъ сердце, движется духомъ; живое, сердечное познаніе есть познаніе духовное, въ противоположность познанію чувственному или умственному.—„Когда умолкаютъ чувства, тогда оживаетъ сердце“,—говорить Исаакъ Сирский. Движеніе чувствъ даетъ пищу дѣятельности интеллекта, а ощущеніе сердца (иѣзъ чувства сердца) есть уже начало вѣденія духовнаго. Богъ, въ Самомъ Себѣ непознаваемый, познается въ сердечномъ чувствѣ по Его дѣйствию на внутренняго человѣка. Онъ—внутренній человѣкъ, ощущая это дѣйствие Божіе,—по нему и именуетъ, или познаетъ, Бога. Здѣсь духовное познаніе есть и именование—все это происходитъ въ чувствѣ сердечномъ.

Вотъ примѣръ этого познанія, взятый изъ житія святителя Николая: „св. Николай достигъ св. града Йерусалима, взыде на Голгоѳу, идѣже Христосъ Богъ Йерусалима, содѣла человѣческому роду; тамо, о! коль спасеніе

теплія излія мольбы отъ горящаго любовью сердца, благодареніе возсыпая Спасителю нашему“. Вотъ св. Николай позналъ Спасителя, какъ Спасителя, по дѣйствію спасающей его силы, претворяющей мертвѣнность его плотяного сердца въ огонь живыхъ сердечныхъ движений.

Духовный человѣкъ, познавая такимъ образомъ Бога, и именуетъ Его сообразно съ живымъ опытомъ своего вѣденія,—вѣденія *творческаго* дѣйствія Божія. Имя Божие для духовнаго человѣка есть дѣйствіе Его, есть Богъ, ему открывающійся (см. кн. „Исходъ“, гл. 6, ст. 3).

Человѣкъ душевный или плотской, повторяя Имя сіе по *открытии отъ слуха*, не вѣдаетъ силы Его: оно для него есть символъ или образъ. Не вѣдая силы Имени Божія, человѣкъ вицѣній, человѣкъ ума и чувствъ, долженъ *смотретьъ* на Имя Божіе, какъ на символъ недовѣдомаго для него дѣйствія Божія, и долженъ *открыть* въ дѣйственную силу Имени Божіяго; но не полагать силу эту, имъ не ощущаемую, въ словесномъ или образномъ начертаніи Имени. Поэтому-то Имя Иисусово будетъ для духовнаго человѣка дѣйствиемъ Божіимъ, неразрывно сочетаннымъ съ человѣческими движеніями Богочеловѣка: „далъ Ему Имя паче всякаго имени“, вотъ дѣйствіе Божіе—дѣйствіе *сыновілія*, идущее навстрѣчу дѣйствію человѣческому: *могу отдать или принять*,—но отдающему послушанія ради. Для вицѣнія человѣка имя это является священнымъ по связи съ Именемъ.

Посему, мнѣ кажется, что весь споръ основанъ на недоразумѣніи. Плотской человѣкъ въ понятіе „имя“ влагаетъ содержаніе своего чувственного опыта, духовный—черпаетъ это содержаніе изъ откровенія Духа (его духу). Человѣкъ чувствъ, когда чтѣ-либо именуетъ, является въ этомъ актѣ именования активной силой, ибо Онъ изъ *своего* познанія о вещи или

явленіи даетъ и имя имъ (такъ Адамъ именовалъ низшихъ тварей), и потому онъ правъ, не желая *имя*, или актъ именования, отождествлять съ творческой энергіей; духовный же человѣкъ даетъ *имя* Богу, не по своему познанію (ибо тварь не можетъ познавать Творца), но по откровенію о Себѣ Бога, и для него въ *Имени* уже ясно ощущается дѣйствіе Силы Божіей („открыть имъ умъ къ познанію Писания“), и онъ восклицаетъ: „Иисусе, просвѣтителю ума моего!“

III.

1) Творчество принадлежитъ Богу. Вѣра же человѣка даетъ ему *только возможность* быть причастникомъ Божескаго естества. Посему *признакомъ* вѣры поставлены слѣдующія знаменія: *Именемъ Моимъ блысы ижденутъ* (но *не впропо*). Поэтому, призывающій Имя Иисуса въ *призывающемъ* полагаетъ *творческую силу*, а призваніе является свидѣтельствомъ его вѣры.

2) Догматъ есть формула, смыслъ и содержаніе которой открывается духовному опыту.

Внѣ опыта истинность формулы можетъ быть проѣрема косвенно и относительно: а) по правственному вліянію данной формулы на духовный ростъ человѣческой личности; б) по тому, какоff формулѣ болѣе соответствуетъ умозрительная формулировка данного вопроса; в) по историческимъ свидѣтельствамъ.

3) Психологически можно наблюдать вліяніе слова, обозначающаго извѣстное душевное свойство человѣка, на душу человѣка: *свойствомъ своего содержанія* оно будить въ человѣкѣ соотвѣтственное свойство его души. Но по отношенію къ Имени Творца въ душѣ человѣка, какъ *твари*, нѣть ничего соотвѣтствующаго. У него есть только способность къ восприятію творческаго содержанія. И потому дѣйствіе слова Божія

иное: оно *оплодотворяетъ* способную къ тому душу, дѣйствуя *творчески*, а не создавая лишь *стимулъ* въ душѣ.

IV.

„Апологію“ Булатовича прочиталъ я со вниманіемъ, но, признаюсь тебѣ, не могу понять, какъ это самое имя Иисусъ — есть Богъ. Это отождествленіе имени съ именуемымъ въ первый разъ въ жизни встрѣчаю и вообще не понимаю *смысла, цѣли* подобного утверждения.—Въ молитвѣ я всегда обращаюсь къ Иисусу Христу, но не къ имени Его, и въ этомъ обожествленіи имени не вижу никакой надобности.

Впрочемъ, можетъ быть, я тутъ чего-нибудь не понимаю. Если имѣешь возможность, разъясни мнѣ, пожалуйста, это.

... Какъ ты понимаешь сущность ученія такъ называемыхъ „имеславцевъ“, или, по-синодальному, „имебожниковъ“, и находишь ли ты его заслуживающимъ сочувствія, и почему?

Въ какомъ смыслѣ они утверждаютъ, что самое имя Иисусъ есть Богъ? И только-ли имя Иисусъ, или всякое другое имя Божіе — есть Богъ? Если всякое проявленіе, всякая энергія Божества есть Богъ, то и Евангеліе есть Богъ? Можетъ быть, и икона чудотворная есть Богъ? И святыя мощи есть Богъ?

. Или, можетъ быть, сторонники этого мнѣнія хотѣтъ провести лишь ту мысль, что ко всякому обнаруженню силы Божіей обнаруживается-ли она въ имени или въ книгѣ и т. д., надо относиться съ благоговѣніемъ?

Напиши мнѣ, пожалуйста, обо всемъ этомъ подробнѣо, какъ ты думаешь?

Среди монашествующихъ мнѣ приходилось слышать всякие толки. Есть и такие, которые искренно убѣждены, что Св. Синодъ возсталъ противъ Иисусовой молитвы и запрещаетъ ее проходить.

V.

Отъ души благодарю Васъ за Вашъ новый даръ,—за присланную мнѣ, только-что вышедшую въ свѣтъ, глубоко интересную книжку о. Антонія „Апологія вѣры во Имя Божіе и во Имя Іисусъ“. Хочу ее всесторонне и внимательно изучить, а пока, со вчерашняго дня, я успѣль познакомиться съ ея главными положеніями. Ова прекрасно и убѣдительно написана и, конечно, произведетъ дѣйстіе и многимъ сдѣлаетъ пользу. Конечно, я стою всецѣло на сторонѣ этой книги. Въ одномъ разѣ только я, пожалуй, допустилъ бы, какъ мнѣ кажется, болѣе ясное и точное выраженіе,—именно: я не сказалъ бы, что Имя Іисусъ есть Самъ Богъ, но сказалъ бы, что это *Божественное Имя, имѣющее всю силу Божества въ себѣ*.

Впрочемъ, вся книга о. Антонія вообще, по-моему, вполнѣ православна. Только выраженіе, что „Имя Іисусъ есть Самъ Богъ“ не вполнѣ точное, и потому не вполнѣ осторожное, т. к. можетъ повести къ нежелательнымъ перетолкованіямъ, ничего общаго съ учениемъ о. Антонія не имѣющимъ.

VI.

Мнѣ хочется подѣлиться съ Вами впечатлѣніями и переживаніями по поводу имѣславцей. Мнѣ кажется, что со стороны епископа Никона и другихъ—непониманіе и недоразумѣніе въ спорѣ. Во всякомъ случаѣ, бороться съ ересями такъ, какъ епископъ Никонъ—черезъ солдатъ—верхъ безобразія. Такая „миссія“, если можно назвать это миссіей,—сущій скандалъ и позоръ. Тяжелое впечатлѣніе произвела на меня никоновская эпопея.

Сначала я держался шаблонныхъ мнѣній объ имѣславцахъ, судя о нихъ по „Колоколу“, но теперь вижу, что положеніе дѣла иное, и желаю основательно познакомиться съ заинтересовавшимъ меня явленіемъ.

Приложение.

IX.

Архіепископъ Никонъ—распространитель „ереси“.

Сотрудникъ газеты «Колоколь», скрывшій свое имя подъ псевдоніномъ «Богомолецъ», въ статьѣ «Не подлогъ ли?» съ глубокимъ возмущеніемъ говорить объ открытой имъ въ Оптиной пустынѣ «ереси».

Основаніемъ для такого обвиненія послужила изданная Оптиной пустынью въ 1913 г. брошюра I. M. подъ заглавіемъ «Какъ научиться Іисусовой молитвѣ».

Въ этой брошюрѣ авторъ статьи напечаталъ «одинъ лишь живой отголосокъ иларіоновскаго ученія», «не болѣе и не менѣе, какъ осужденную уже иларіоновщицу». По его мнѣнію, въ ней «есть мѣста, прямо неслыханныя по своей кощунственности»; ученіе ея опять называется «сумасброднымъ». «Сколько же искренно вѣрующихъ людей,—спрашиваетъ онъ,—можетъ смутить подобная брошюра и привести ихъ на край погибели». — «Что это такое? Ужасное невѣжество автора, отголоски ли хлытовскаго ученія, дерзкое ли злоупотребленіе авторитетомъ Оптиной?» Въ заключеніе онъ приглашаетъ читателей «Колокола» «подумать» объ этомъ, а «власть имущимъ» рекомендуетъ « обратить внимание на эту брошюру, раскрыть имя автора и разъ навсегда прекратить возможность соблазна подъ прикрытиемъ авторитета Оптиной пустыни».

Статья «Богомольца» сопровождается замѣткою редакціи. Тутъ не допускается и мысли о принадлежности указанной брошюры оптинскимъ старцамъ: «эта

брошюра, несомнѣнно, дерзкій подлогъ». Но зато «хорошо, что она открываетъ потаенную цѣль», «скрывавшуюся» доселъ «за новымъ страннимъ ученіемъ объ имени Божіемъ». Это именно—«попытка ввести въ религію антиномізмъ—необходимость нравственной жизни». «Твори какія хочешь мерзости, какія угодно студодѣлія, но если ты при этомъ повторяешь Имя Божіе, то все это освящается». Вотъ «какая ловушка подставлялась здѣсь для уловленія простыхъ душъ»,—съ торжествомъ открываетъ редакція «Колокола».

Въ одномъ изъ послѣдующихъ №№ «Колокола» сообщается, что авторъ этой брошюры—оптинскій іеромонахъ Моисей и что Синодъ сдѣлалъ уже, съ своей стороны, распоряженіе объ изѣятіи ея изъ продажи.

Наконецъ, въ № 2160, отъ 5-го іюля, выступающій самъ редакторъ «Колокола» В. М. Скворцовъ, изобличающій «гибельную суть нового ученія»—«мудрованіе» столь тонкое, что «простому уму трудно понять его». Тутъ именно «таится чисто анархическая религіозная тенденція»—упраздненіе богослуженія, таинствъ, доброй жизни. Все это можно оставить: «лежи спокойно на постели и твори молитву Иисусову».

Но въ кого направляются всѣ эти громы? Мы, съ своей стороны, думаемъ, что бѣдный о. Моисей подпалъ подъ нихъ изъ-за излишняго довѣрія къ авторитету постоянного члена Святѣйшаго Синода и члена Гос. Совѣта, нынѣ ставшаго знаменитымъ въ качествѣ обличителя поклонниковъ Имени Иисусова и насадителя православнаго о семъ ученія на Аeonъ—архиепископа Никона.

Инкриминируемыему мѣста, «прямо неслыханныя по своей кощунственности», буквально содержатся въ анонимномъ сочиненіи «Изъ разсказовъ странника о благодатномъ дѣйствіи молитвы Иисусовой». Рукопись этого сочиненія была найдена въ бумагахъ извѣстнаго

великаго оптинскаго старца, іеросхимонаха Амвросія и напечатана въ №№ «Троицкаго Слова» за 1911 годъ,— журнала, издаваемаго и редактируемаго архіепископомъ Никономъ.

Затѣмъ отдельные отиски этихъ разсказовъ вышли въ качествѣ «изданія Оптической пустыни» (на этотъ разъ уже несомнѣнной подлинности) съ цenzурного разрешенія и съ одобрительнымъ предисловіемъ Никона, тогда епископа вологодскаго.

По поводу первой части этой книги епископъ Никонъ когда-то спрашивалъ мнѣнія у святителя-затворника Феофана. Тотъ отвѣтилъ, что «ученіе о молитвѣ изложено въ ней правильно». Самъ же преосвященный Никонъ называетъ автора ея «смиреннымъ подвижникомъ молитвы», а слова его «плодомъ его духовнаго опыта, просвѣщенаго благодатию молитвы».

Высказавшись объ этихъ «Разсказахъ» съ большими одобрениемъ, онъ заключаетъ свое предисловіе къ «Разсказамъ» такими словами: «надѣемся, что православные русскіе люди прочтутъ ихъ съ пользою для своей души». Эта книга (кстати сказать, весьма незадаточная и дѣйствительно обнаруживающая въ авторѣ духовную зрѣлость) продаєтся и донынѣ въ книжныхъ лавкахъ Троицко-Сергіевской лавры и Оптической пустыни.

Какъ велико сходство инкриминируемыхъ «Колоколъ» іеромонаху Моисею мѣсть съ мыслями, распространяемыми высокопреосвященнымъ Никономъ, ясно будетъ изъ слѣдующаго сопоставленія.

Въ первомъ столбѣ приводимъ, па основаніи «Колокола» цитаты изъ книжки I. M. (іеромонаха Моисея). «Какъ научиться Иисусовой молитвѣ» (Одесса, 1914 г.), а во второмъ—цитаты изъ книги: «Изъ разсказовъ странника о благодатномъ дѣйствіи молитвы Иисусовой» (Сергіевъ Посадъ. 1911 г.).

„Имя Иисуса Христа содер-
жать въ себѣ самосущую и са-
модѣйствующую силу“ (стр. 8).
„Молись хоть какъ-нибудь,
такмо всегда и не смущайся
ничѣмъ. Будь духовно весель
и покоенъ“.

„Для Богоугождения ничего
больѣе не нужно, какъ любить;
люби и дѣлай все, что хочешь“,
говорить бл. Августинъ: „а
молитва есть изліяніе и дѣ-
йствіе любви“, то по истинѣ
о ней можно сказать такъ,
что для спасенія ничего боль-
ше не нужно, какъ молиться.
Молись и дѣлай что хочешь:
святые трудились въ различ-
ныхъ монастырскихъ послуша-
ніяхъ и достигли своихъ же-
ланныхъ цѣлей молитвой. Мол-
ись и дѣлай, что хочешь, и
ты достигнешь цѣли молитвы;
если искренно хочешь по-
нести иго Христово, то и ты
приобрѣшь освященіе.

„Теперь видишъ ли, сколь-
ко глубокихъ мыслей сосредо-
точиваются въ семь мудромъ
изречениій: „Молись и дѣлай,
что хочешь“. Какъ отрадно
и утѣшительно все сказан-
ное для грызника, отягчен-
ного слабостями, для стоя-
щаго подъ бременемъ страстей
(стр. 16).

Итакъ, въ 1911 г. архієпископъ Никонъ раздѣлялъ
и распространялъ тѣ мысли, которая въ 1913 г. при-
водятъ въ ужасъ сотрудниковъ и редакцію „Колокола“
и для искорененія которыхъ на Аeonъ высокопреосвя-
щенному Никону потребовалась теперь помощь войскъ.

„Имя Иисуса Христа, при-
зывающее въ молитвѣ, содер-
жать въ себѣ самосущую и
самодѣйствующую благодат-
ную силу“ (стр. 46, ср. 51
и др.).

„Молись хоть какъ-нибудь,
такмо всегда, и не смущайся
ничѣмъ; будь духовно весель
и покоенъ“... (бб).

„Для Богоугождения ничего
больѣе не нужно, какъ лю-
бить,—люби и дѣлай все, что
хочешь—говорить блаженный
Августинъ...—Такъ какъ мо-
литва есть изліяніе и дѣ-
йствіе любви, то поистинѣ о
ней можно сказать такъ же
подобное: для спасенія ничего
больѣе не нужно, какъ все-
гдашня молитва: молись и
дѣлай что хочешь, и ты до-
стигнешь цѣли молитвы, прі-
обрѣшь ею освященіе!“...
(54).

„Теперь видишъ ли, сколь-
ко глубокихъ мыслей сосредо-
точиваются въ семь мудромъ
изречениій: „Любя, и
дѣлай, что хочешь. Молись,
и дѣлай, что хочешь!“ Какъ
отрадно и утѣшительно все
сказанное для грызника, отяг-
ченного слабостями, — для
стоящаго подъ бременемъ
воюющихъ страстей!“ (56).